

В. И. Даль

ЗАПИСКА О РИТУАЛЬНЫХ УБИЙСТВАХ

МОСКВА “Витязь” 1995

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

ТАЛМУД

ОБРАТИВШИЕСЯ ЕВРЕИ И ПИСАТЕЛИ

БЫВШИЕ СЛУЧАИ ЗЛОДЕЙСКОГО ИЗУВЕРСТВА ЕВРЕЕВ

ДЕЛО ВЕЛИЖСКОЕ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1890 — 1900 годах в лавочках и магазинах московских букинистов и книжных торговцев часто можно было встретить благообразного старичка среднего роста, рывшегося в книжном хламе с целью отыскания каких-либо редкостей. То был — начальник московского врачебного управления В. М. Остроглазов. Оставшиеся у него случайно после его брата, известного библиографа И.М. Остроглазова, некоторые редкие издания заронили и в нем любовь к собиранию книжной старины; он пристрастился к этому делу и свой досуг от служебных занятий посвящал ему. Он собирал книги по разным вопросам, и между прочим и по еврейскому. По оставлении службы, располагая еще более свободным временем, он стал заниматься библиографическими исследованиями, помещая их в издававшемся П. И. Бартеневым “Русском Архиве”. Смерть застала его над работой о редких книгах по еврейскому вопросу, переданной в “Русский Архив” для напечатания, но доселе еще не появившейся в свет. Все его книжное собрание после его смерти вдовой его Т.И.Остроглазовой пожертвовано Московскому университету, в библиотеке коего, в особой комнате, и находится ныне.

В собрании много редкостей, и в том числе *редчайшая* книжка по еврейскому вопросу — записка В. И. Даля. Это — книжка в небольшую восьмушку, на 153 страницах, озаглавленная: “Розыскание о убийении евреями христианских младенцев и употреблении крови их. Напечатано по приказанию г. Министра Внутренних Дел. 1844”. При книге имеется и следующее собственноручно писанное В. М. Остроглазовым розыскание о ней: “Эта книжка *чрезвычайно редкая*. Геннади, известный библиограф, говорит, что во “Всемирной Иллюстрации” 1872 г., стр. 207, сказано, что В. И. Даль, служа в министерстве внутренних дел, напечатал брошюру об убийении евреями христианских младенцев (1844 году). Она напечатана в незначительном количестве экземпляров (“Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях”. Берлин, 1876 г., т. I, стр. 277). Во “Всеобщей библиотеке России” или каталоге книг, собранных А. Д. Чертковым” (Москва 1863 года, страница 743, № 3631) сказано, что эту книжку написал В. И. Даль по поручению графа Л. А. Перовского. Она напечатана в самом ограниченном количестве экземпляров, которые раздавались весьма немногим служебным лицам. В “Русских книжных редкостях”, изданных Н. Березиным, М. 1903 года, часть 2-я, на странице 19, № 77, напечатано: “эта книжка *редчайшая*” и на экземпляре этой книжки, им виденном, была следующая современная изданию ее надпись: “печатать десять экземпляров”.

“Эта книжка настолько редка, что ее, насколько известно мне, нет ни в одной из московских библиотек. Мой покойный брат Иван Мих. Остроглазов не имел ее в своем замечательном собрании редких книг. Я, на своем веку пересмотревший несколько сот каталогов русских и иностранных букинистов, а равно перечитавший описания всех библиотек известных библиофилов, — никогда не встречал ее названия. *Цены на нее нет*. Но если книжка того же В. И. Даля: “Исследование о скопческой ереси”, напечатанная в числе менее двадцати экземпляров, как сказано в “Книжных Редкостях” И. М. Остроглазова, М. 1892 г., стр. 45, № 101, — оценилась, как это видно из каталога, за № 339, 1903 года, известного с.-петербургского букиниста Клочкова, в двести рублей серебром, то цена этой книжки В. И. Даля, т. е. “Розыскания об убийении евреями христианских младенцев”, которая

никогда не встречалась в продаже, конечно, несравненно дороже”.

“Но независимо от вышеизложенного мой экземпляр этой книжки представляет собою еще и в другом отношении замечательную редкость. Он несомненно доказывает, что евреи всеми силами и средствами стараются уничтожить эти книжки, где говорится об их деяниях, возмущающих совесть. Так, например, “Книга кагала”, составленная Яковом Брафманом и напечатанная в Вильне в 1869 году, была разом во всех экземплярах, находившихся в книжной лавке Белого, в Одессе, скуплена одним богатым евреем, чтобы прекратить обращение ее в публике, о чем и напечатано в “С.-Петербургских Ведомостях” 1870 года, № 286, на 2-й стр. в статье “Евреи в Одессе”. О том же самом можно читать и в книжке: “Записки о евреях в Западном крае России”. М. 1882 г., изд. 3-е, стр. 165”.

“Но в “Книге кагала” нет того, что так всеми силами и средствами отрицают евреи: в ней нет указаний, что среди евреев существует секта (хасиды), которая действительно употребляет христианскую кровь. В книжке Даля это несомненно доказывается. Поэтому, конечно, евреи особенно ревниво за нею следили и старались уничтожить ее. Известный публицист и ученый Никита Петрович Гиляров в своей газете “Современные Известия” от 13-го июня 1875 года, № 160, пишет следующее: “Кто из образованных не знает и не слышал о знаменитом Велижском деле (по обвинению евреев в убиении христианского мальчика в 1823 году), бывшем сорок лет назад? Мы и читали о нем и между прочим слышали от покойного В. И. Даля, человека в высокой степени беспристрастного и уже далеко не суеверного: он был убежден, что в этом приснопамятном деле упомянутое зверское детоубийство есть факт; он, Даль, изучавший дело, просматривавший все документы и составивший для правительства записку. Кстати, что сделалось с этою самою запискою? Где она? Напечатана она была в немногих, может быть, семи, восьми, более десяти экземплярах, и о удивление! Экземпляры, к которым могла иметь публика доступ, под наитием какой-то неведомой силы, стали исчезать один за другим. Мало того: года два тому назад исчез из одной типографии даже оригинал, предназначавшийся к перепечатанию этой записки. Достопочтенного издателя, которого назвать мы не смеем без его позволения, просим откликнуться и подтвердить наши слова о пропаже упомянутого оригинала”.

“В нашем экземпляре есть ответ на сей вызов, предложенный покойным П. П. Гиляровым-Платоновым. Вот что написано рукою известного писателя “Русского Архива” П. И. Бартенева на нашем экземпляре: “Книжка эта написана В. И. Далем, по поручению Л. А. Перовского, по бумагам министерства внутренних дел (в 1862 году истребленным в большом пожаре) и отпечатана чуть ли не в десяти только экземплярах. Возвратившись осенью 1869 года из первой моей поездки в Одессу, я передавал В. И. Дालю об ужасах еврейского усиления в тамошнем краю, сообщенных мне там архиепископом Димитрием (Муретовым). По соглашению с Далем вздумал я перепечатать эту книжку в “Русском Архиве” с моим предисловием. Шло печатание ее в типографии Мамонтова (в Москве), как оттуда пришли мне объявить, что еврей-наборщик похитил несколько листов и скрылся из Москвы. А. И. Мамонтов нарочно ездил в С.-Петербург, чтобы достать похищенное по другому экземпляру, но не мог найти его. Позднее я списал похищенное из экземпляра князя А. Б. Лобанова-Ростовского”.

“В книге Лютостанского “Об употреблении евреями христианской крови для религиозных целей”, Спб., 1880 г., изд. 2-е, во 2-й части, на странице 32-й, напечатано следующее: “В первом издании нашей книги многих фактов мы были лишены, которые были украдены жидами. Сочинение Даля по вопросу крови — в Москве, находилось только в Чертковской библиотеке и *единственный* экземпляр. Управляющий библиотекой П. И. Бартенев вздумал перепечатать это сочинение и дал в типографию Мамонтова. Когда приступили набирать и разрезали книгу на части, тогда жид, бывший наборщиком в типографии, дал знать своему кагалу и, по общему совету, тот же наборщик ночью выбил стекло в типографии, влез туда, рассыпал весь набранный шрифт, находившуюся там часть разрезанных листов сочинения Даля хапнул и канул в неизвестность, как и постоянно делается у жидов. Полиция разыскивала в обеих столицах, — но все напрасно. Затем печатание прекратилось, — г. Бартенев уцелевшую книжку Даля взял обратно и уже ее в библиотеке хранит очень строго под наблюдением собственного глаза. Но тут жидовская пронырливость опять понадеялась, чтобы стянуть оставшееся сочинение от их всеобъемлющих щупальцев. В Москве есть играющий роль ученого, казенный раввин Минор и в подобной претензии, как и профессор рабби Хвольсон. Бедняга Минорчик посвятил себя, помимо желаний, литературе и около двух лет ходил заниматься в Чертковскую библиотеку — приходил раньше всех и уходил позже всех, однако в продолжение этого времени не мог достигнуть, чтобы хоть взглянуть на желаемое сочинение Даля. Наконец рабби решил сойти вниз к самому г. Бартеневу (ныне издателю “Русского Архива”) и просил его, чтобы Бартенев был так добр — дать Минору почитать сочинение Даля, — но на это получил ответ, что этого ни за какие блага сделать не может. С этой минуты рабби Минор оставил навсегда Чертковскую библиотеку”.

“В моем экземпляре, в конце его, в виде приложения, вклеено восемь печатных страниц из “Русского Архива”, издания 1870 года, на которых перепечатаны первые страницы из книжки В. И. Даля

“Розыскание о убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их”, и, кроме того, предпослано к ним (страницам) предисловие П. И. Бартенева, о котором он упоминает выше. *В. М. Остроглазов 1906 г. сентября 15 дня*”.

“Этой книжки, — как Ю. И. Гессен пишет в своем труде “Евреи в России”, Спб. 1906 г., на странице 406, — нет ни в Чертковской библиотеке, ни в С.-Петербургской императорской Публичной библиотеке, по любезному сообщению ему библиотекаря А. И. Браудо. Голицын Н. Н., князь, пишет, что записку Даля ему не случилось видеть. (Употребляют ли евреи христианскую кровь. Варшава, 1879, стр. 131.)”

Таковы результаты расследования о сей книжке В. М. Остроглазова, произведенного им тотчас по поступлении ее к нему. Он продолжал ею заниматься до своей смерти и нужно желать, чтобы поскорее увидела свет его работа, переданная редакции “Русского Архива”.

Эта “редчайшая” книжка к В. М. Остроглазову поступила от П. И. Бартенева: “Куплена сия книга, — записал В. М. Остроглазов на переплете ее, — у Петра Ивановича Бартенева, который продал ее мне по моим усиленным просьбам. Книга эта подарена Бартеневу Далем. *В. Остроглазов. 1906 г.*”

К книге приложен один печатный лист набора ее, долженствовавшего войти в состав шестой книги “Русского Архива” за 1870 год (лист 35-й, стр. (coll.) 1105 — 1136 и содержащего текст первых 38 страниц книги). Тексту книги предпослано было П. И. Бартевым следующее предисловие:

“Розыскание о убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их. Перепечатывая на страницах “Русского Архива” это интересное исследование, составляющее величайшую библиографическую редкость, не можем не обратить внимания читателей на то обстоятельство, что оно имеет значение не только историческое, но и современное. Не далее, как в 1852 — 1853 годах в Саратове возникло дело об умерщвлении евреями двух христианских мальчиков при обстоятельствах, совершенно схожих с теми, на которые указывает автор “Розыскания”. Никто не может поручиться за то, чтобы подобные дела не возникали и впредь.

Не оглашаемые официально, но оглашающиеся народною молвою и лицами, вовлеченными в исследование преступления, они оставляют по себе смутное впечатление отвращения и ужаса, питающее и укрепляющее сильные и без того народные предрассудки против евреев. Евреи, со своей стороны, упорным отрицанием всех фактов, обнаруживаемых делами подобного рода, усиливают это впечатление, и в глазах народа становятся все как бы причастными безумному злодейству некоторых крайних фанатиков”.

“О несправедливости подобного мнения распространяться совершенно излишне; но здравый смысл и история религиозных преследований показывает нам, каким страшным орудием оно может служить для возбуждения народного фанатизма. Единственным путем для прекращения и предотвращения неисчислимых зол, проистекающих от подобных таинственных огульных обвинений, может служить полное и строгое разъяснение фактов, подавших к ним повод. Чудовищная секта, которая, смеем надеяться, замирает в настоящее время в каких-нибудь захолустьях нашего Западного края (этих притонах еврейского фанатизма” я невежества), во всех отношениях заслуживает внимательного изучения и точного описания. В оглашении ее истории, ее особенностей всего более заинтересованы сами евреи. Для них же несравненно легче, чем для писателей-христиан, собрать нужный для того материал. Будем же надеяться, что именно между евреями найдутся люди, которые окажут своим соплеменникам эту важную услугу и вместе с тем присовокупят новую поучительную главу в истории человеческих заблуждений. Гласность отымет у зла фантастические размеры, придаваемые ему таинственным полумраком, до сих пор его прикрывавшим, и, конечно, обнаружит и в самой среде еврейства энергическое противодействие учениям, не имеющим ничего общего с верою, послужившее преддверием христианству”.

“Розыскание о убиении евреями христианских младенцев” было составлено по поручению Министра Внутренних Дел (графа) Л. А. Перовского В. И. Далем и в 1844 году напечатано в немногих оттисках, из коих один подарен самим достоуважаемым сочинителем в Чертковскую библиотеку, а ныне перепечатывается с его же обязательного дозволения”.

Экземпляр этой книжки В. И. Даля, находящийся ныне в собрании В. М. Остроглазова, очевидно, тот самый, по которому производился набор в 1870 году. На 1-й странице рукою П. И. Бартенева помечено: “NB”. Эти заголовки набирать круп. курс. и поместить в начале абзаца” (так и сделано в наборе 1870 г.). На экземпляре имеются отметки фамилий наборщиков, между коими были распределены разные отделы книги (Матюшкин, стр. 1 — 17, 51 — 62; Шибаев, стр. 17 — 50, Пахомов, стр. 63 — 72, 106 — ; Бахар... стр. 83 — 93, Пашков, стр. 93 — 106). Страницы 73 — 82 вырваны и заменены листками, писанными: 5 — рукою П. И. Бартенева, остальные — писцами.

Датчанин родом, сын доктора, служившего в Лугани Екатеринославской губ. на заводе, В. И. Даль

родился 10 ноября 1801 г. Окончив курс в морском корпусе, он первоначально служил в Черноморском флоте; но вскоре оставил эту службу и поступил в 1821 г. в Дерптский университет, где и получил степень доктора медицины. Несколько лет он был затем военным врачом (в армии и военном госпитале) вплоть до знакомства с Л. А. Перовским, который убедил его перейти к нему на службу в Оренбург. Здесь он пробыл 7 лет, а в 1841 г. вследствие назначения Перовского Министром Внутренних Дел, переехал в С.-Петербург, будучи определен чиновником особых поручений при нем. В 1849 — 1859 гг. был управляющим удельной конторой в Нижнем Новгороде, а по выходе в отставку жил в Москве и занимался окончанием и изданием своего “Толкового словаря великорусского наречия”. Умер 22 сентября 1872 г. (См. Словарь Геннади, т. I, стр. 276).

В 1844 году, когда была написана им издаваемая далее “Записка”, ему было 43 года от роду, следовательно он находился в полном расцвете своих физических и умственных сил. Записка эта, составленная для министра внутренних дел, вскоре получила еще другое назначение. Почти без всяких изменений она в том же 1844 году появилась под другим названием: “Сведения о убийствах евреями христиан для добывания крови”. Сочинение ее приписывалось тайному советнику Скрипицыну (директору департамента иностранных исповеданий), исполнявшему эту работу “по распоряжению Министра Внутренних Дел графа Перовского, для представления Государю Императору Николаю I, наследнику цесаревичу, великим князьям и членам Государственного Совета”. (Перепечатана была в 1878 г. в “Гражданине”, №№23 — 25, стр. 485 — 495; № 26, стр. 513 — 522; № 27 — 28, стр. 546 — 556. Продолжение исторических сведений после 1844 г. см. там же №№ 35 — 37, стр. 638 — 640; №№ 38 — 40, стр. 649 — 655. См. также за 1879 г. №№ 23 — 28, 35 — 37).

В. И. Даль после вступления и обзора литературы по вопросу об употреблении евреями христианской крови (стр. 1 — 40) переходит “к исчислению бывших случаев злодейского изуверства евреев и к разбирательству важнейших из них, или по крайней мере ближайших к нам и посему более достоверных, взятых из подлинных делопроизводств и из разных книг, писанных об этом предмете” (стр. 40 — 86). В хронологическом порядке он приводит известия обо всех этих случаях, начиная с IV столетия: в IV веке — 1, V веке — 1, VII веке — 1, XI веке — 3, XII веке — 11, XIII веке — 10, XIV веке — 5, XV веке — 12, XVI веке — 24, XVII веке — 39, XVIII веке — 7, XIX веке — 20, всего 134 случая, и затем переходит к разбору Велижского дела: “для положительного удостоверения, что обвинение это не есть клевета или вымысел, и что не одна пытка средних веков вымогала из жидов это ужаснее сознание, остается разобрать несколько ближе одно из новейших дел этого рода, например: дело Велижское, начавшееся 24-го апреля 1823 года в Велижской городской полиции и конченное 18-го января 1835 года, через двенадцать лет, в общем собрании Государственного Совета”. Разбор этого дела занимает 87 — 145 страницы книжки. На последних 145 — 153 страницах находится “заключение” В. И. Даля: “Рассмотрев весь этот ряд ужасных случаев и возмущающих душу происшествий, частично доказанных исторически и юридически, обвинение жидов в мученическом умерщвлении к Пасхе христианских младенцев невозможно считать призраком и суеверием, а должно убедиться, что обвинение это основательно, как равно и общее мнение о употреблении ими крови сих мучеников для каких-то таинственных чар... Никто, конечно, не будет оспаривать, что в странах, где евреи терпимы, время от времени находимы были трупы младенцев, всегда в одном и том же искаженном виде, или по крайней мере с подобными знаками насилия и смерти... Тут не одно убийство, а преднамеренное мученическое истязание невинного младенца и, следовательно, или наслаждение этими муками, или особенная цель, с ними соединенная... Откуда эти одинаковым образом и умышленно искаженные трупы невинных ребят? Почему находят их там только, где есть жида? Почему это всегда дети христиан? И наконец, почему случаи эти всегда бывали исключительно во время или около самой Пасхи?.. Изуверный обряд этот не только не принадлежит всем вообще евреям, но даже, без всякого сомнения, весьма немногим известен. Он существует только в секте хасидов или хасидым — как это объяснено выше — секте самой упорной, фанатической, признающей один только Талмуд и раввинские книги и отрешившейся, так сказать, от Ветхого Завета; но и тут составляет он большую тайну, может быть, не всем им известен и по крайней мере, конечно, не всеми хасидами и не всегда исполняется; не подлежит, однако же, никакому сомнению, что он никогда не исчезал вовсе со времени распространения христианства, и что поныне появляются от времени до времени между жидами фанатики и каббалистические знахари, которые с этою двоякою целью, посягают на мученическое убиение христианского младенца и употребляют кровь его с мистически-религиозною и мнимо-волшебною целью. Польша и Западные губернии наши, служащие со времен средних веков убежищем закоренелого и невежественного жидовства, представляют и поныне самое большое число примеров подобного изуверства, особенно губерния Витебская, где секта хасидов значительно распространилась”.

“Розыскание” В. И. Даля перепечатывается ниже по экземпляру собрания В. М. Остроглазова, причем в примечаниях отмечаются разногласия со 2-м ее изданием — “Сведениями” Скрипицына.

РОЗЫСКАНИЕ О УБИЕНИИ ЕВРЕЯМИ ХРИСТИАНСКИХ МЛАДЕНЦЕВ

и употреблении крови их

Напечатано по приказанию г. Министра Внутренних Дел.
1844 г.

ВСТУПЛЕНИЕ

У всех народов, где только проживают евреи, существует с незапамятных времен поверье или предание, что жиды умерщвляют мученически христианских младенцев, нуждаясь для каких-то таинственных обрядов в невинной христианской крови. Только в новейшее время чувства человечества до того стали возмущаться против подобного обвинения, что в Европе начали решительно отвергать его, как бессмысленную сказку и клевету. Обвинение, конечно, ужасное, но между тем не беспримерное в летописях религиозного (1) изуверства: не только индийские идолопоклонники подвергают сами себя и других ужасным мучениям, в чаянии будущих благ, — и не только между ними есть секты, постоянно занимающиеся убийством для спасения души, — но и в Европе, между христианами, возникала секта ассасинов, воздвигались в течение двух или трёх веков инквизиционные костры, и в самой России появились в прошедшем столетии самосжигатели, тюкалыцики и сократилыцики: первые сжигались сами, целыми деревнями; вторые убивали друг друга, — те и другие для спасения души.

Не один только глас народа обвиняет евреев в таком ужасном деле; они многократно обвинялись в том перед судом. Большею частью собственного их признания не было, несмотря ни на какие улики; но были и такие примеры, где жиды были изобличены и сами сознались. Один подобный случай был бы, по-видимому, достаточен для того, чтобы признать действительное существование такого злодейского изуверства; но заступники евреев говорят: признание было вынуждено пыткой и потому ничего не доказывает. Допустив, однако же, и это оправдание, и все то, что когда-либо было сказано и писано по сему поводу в пользу жидов, все еще останется одно обстоятельство, на которое никогда не было обращено надлежащего внимания, и которое не только остается не разъясненным, но даже почти получает качество и степень полной улики; а именно: не подлежит никакому сомнению, что время от времени находимы были трупы без вести пропавших младенцев, в таком искаженном виде и с такими признаками наружных насилий, кои вполне согласуются с образом мученической смерти и того рода убийства, в коем обвиняются евреи; во-вторых, происшествия эти были исключительно в таких только местах, где живут евреи; спрашивается затем, какому же обстоятельству приписать возобновляющиеся по временам случаи мученической смерти младенца, рассудительно и осторожно замученного до смерти, — если обвинение несправедливо? (2) Какую можно придумать причину или повод для такого злодейского истязания ребенка, если это не изуверство? Наружные признаки трупа показывали каждый раз положительно, что смерть никак не могла быть случайная, а умышленная; и притом обдуманная и продолжительная: все тело истыкано или исколото, иногда клочки кожи вырезаны, язык и детородные части отрезаны, или сделано у мальчиков еврейское обрезание; иногда некоторые члены обрезаны, или ладони проколоты насквозь; нередки знаки и синяки от тугих перевязок, наложенных и опять снятых; вся кожа в ссадинах, будто обожжена или сильно терта; наконец, труп даже обмыт, на нем нет крови, равно как и на белье, и на платье, которое было снято на время убийства и после опять надето. Чем ребенок или родители его могут подать повод к такому злодейству? Без цели это не могло быть сделано нигде никогда, а тем менее еще повторяться в разных местах почти одинаково. Простой убийца во всяком случае довольствовался бы одним убийством, и какая-то таинственная, важная в глазах преступников цель не может быть здесь отринута.

Слабое, неудовлетворительное розыскание следователей, разные ухищрения и уловки жидов, наглое и упорное заpiresательство их, нередко подкуп, уверенность большей части образованных людей, что обвинение это есть гнусная клевета и, наконец, человеколюбие уголовных законов наших не только спасали евреев доселе каждый раз от заслуженной казни, но они, проискамы своими и клятвоуверениями в невинности и в совершенной несправедливости возводимой на них клеветы, всегда почти успевали обвинять уличителей своих, кои были наказываемы за них, и успели исходатайствовать в 1817 году Высочайшее повеление (от 28-го февраля, объявленное 6 марта), коим запрещено было даже подозревать жидов в подобном преступлении, а мнение, будто жиды нуждаются в крови христианской, названо предрассудком. Между тем, рассмотрение некоторых мест тайного учения талмудистов обнаруживает быточность сего изуверства, а беспристрастный взгляд

на самые делопроизводства, бывшие в подобных случаях, убеждает несомненно в истине действительности их.

ТАЛМУД

Хотя евреи, с давних времен уже, Талмуд свой ставят несравненно выше Ветхого Завета, не менее того они умели исказить самым нелепым образом смысл одного стиха Св. Писания и основать на нем чудовищный обряд, о коем здесь говорится. Пророк Валаам, призванный для проклятия еврейского народа, отказывается от этого и воздаёт ему, напротив, вдохновенную похвалу, употребляя несколько иносказаний. Он говорит, между прочим:

“Се люди яко левичища (3) восстанут и яко лев вознесется (Иаков); не уснет, дондеже снет лов и кровь посеченных испиет (Книга Числ, глава 23)” (4). Вот, как говорят (5), источник бесчеловечного обряда. Толковники приняли это иносказание в прямом смысле и объясняют, что кровью врага (6), — а христианина евреи считают первым врагом своим, — должно насыщаться.

Талмуд, составленный из разных преданий и дополненный в первые века христианства, дышит такую злобою против всех иноверцев, и в особенности против христиан, что нет злодейства, которого бы он относительно их не допускал. Написанный едва объяснимую смесью еврейского, халдейского, сирийского, партского, греческого, латинского и других языков, вавилонский Талмуд (7), оконченный в V столетии, состоит из 36 томов в листе и содержит неимоверно бессмысленное, безобразное и безнравственное сплетение сумасбродных исчадий фанатизма. Посему язык Талмуда нельзя назвать собственно еврейским; это особый талмудический язык, самый трудный из всех живых и мертвых языков, не исключая даже китайского. Талмуд не только написан мистически, таинственно и неудобопонятно для непосвященных, он даже и вообще по сию пору остался недоступным для нас, потому что не переведен, кроме некоторых отрывков, ни на один язык. Но этого мало: в печатных талмудах на еврейском языке сделаны пропуски, означенные иногда пробелами, скобками или словом: *ведаль*, т. е. догадывайся, доискивайся смысла. Венецианское издание Талмуда 1520 года, как говорят, полно и содержит много, хотя и темных, но явно к сему предмету относящихся мест, впоследствии евреи остерегались и пополняли пропуски записками или словесным изучением. В еврейской книге *Сейдер-Годайдоис* объяснены и причины этих пропусков: там сказано, что частый переход евреев к христианству, в течение первых веков его, заставил раввинов принять и включить в Талмуд особенно строгие и жестокие меры против назарян; постановления эти обратили, однако, на себя в IX веке внимание правительств, последовало гонение евреев почти во всей Европе, почему места эти и были частью исключены из Талмуда, а частью отнесены не к христианам (гой), а к идолопоклонникам (акум), хотя евреи в этом отношении не делают никакого различия и подразумевают и тут, и там, даже преимущественно, христиан. Во времена папы Григория действительно гонения на евреев сделались общими почти во всей Европе, и поводом к этому были неистовства и злодейства их против христиан, хотя наш человеколюбивый век и приписывает гонения сии большею частью одному только изуверству и нетерпимости католицизма. Раввины принуждены были защищать гласно раскрытые тайны и, несмотря на огромные суммы, употребленные ими для подкупов, они принуждены были исключить из книг своих все, что относилось ко вреду и поруганию христиан. Полные талмуды, без пробелов, искали убежище в польских владениях, где жида вообще жили свободнее и надзор за ними был слабее. Сюда же скрылись и более изуверные, упорные жида, и в сих краях гнездятся они. еще поныне, тогда как просвещение и надзор значительно изменили прочих европейских жидов и смягчили их нравы. Независимо от этого, есть множество толковых книг раввинских, как говорят, до 50 т., содержащихся в большой тайне, и существуют между раввинами, особые, так называемые каббалистические науки, служащие для объяснения, по произволу, темных мест Талмуда. Вот почему Талмуд недоступен даже ученым филологам нашим, коих свидетельства о том, что есть и чего нет в нем, вовсе не надежны. Есть, наконец, у евреев и словесные предания и учения, сохраняемые в тайне, но обнаруживаемые изредка обратившимися евреями.

ОБРАТИВШИЕСЯ ЕВРЕИ И ПИСАТЕЛИ

К числу последних принадлежит, например, бывший раввин, монах Неофит, написавший в 1803 г. на молдавском языке книгу “*Опровержение еврейской веры*”; жида, как говорят, склонили господаря Молдавии, за большие деньги, уничтожить книгу эту; несмотря на то, однако же, перевод ее на новогреческом языке появился в Яссах же в печати в 1818 году. Тут говорится, между прочим, “о крови, похищаемой жидами от христиан, и о употреблении ее”; описав все подробности этого чудовищного обряда, монах Неофит заключает так: “Когда я достиг тринадцатилетнего возраста (совершеннолетие у жидов), то отец открыл мне таинство крови, угрожая страшными проклятиями,

если я кому-нибудь, даже братьям моим, обнаружу эту тайну; если же у меня будут со временем дети, то я могу открыть то, что узнал, только одному из них, самому надежному, умному и более твердому в вере своей. Я был, и теперь нахожусь, в великой опасности за открытие сей тайны; но, познав истинную веру и обратившись к Спасителю моему, на Него полагаю мою надежду”. Неофит объясняет следующее:

“Об этом обряде писано в книгах не ясно, а только загадочно; тайна известна не всем, а только *раввинам, хакамам и фарисеям*, кои называются у них *хасидым* (8). Сии изуверы еврейские полагают, во-первых, что, убивая христианина, делают угодное Богу; во-вторых, они употребляют кровь для чар, по суеверным обрядам. Для сего, в день свадьбы, раввин подает новобрачным печеное яйцо, посыпанное, вместо соли, золою из куска полотна, обмоченного (9) в крови христианского мученика”. Обстоятельство это чрезвычайно замечательно, потому что в следственных делах по подозрению евреев в убийстве обнаруживалось именно, что они мочили холст в крови и делили его между собою на лоскутья. “Молодые едят яйцо, — продолжает Неофит: — а раввин читает молитву, в которой желает им обманывать христиан и питаться трудами их. Евреи, изуверы, употребляют также кровь убитого христианина при обрезании, пуская в чашу с вином каплю крови от обрезанного ребенка и другую каплю от христианского младенца”. И это сведение не менее замечательно, потому что повторяется в разных других показаниях, как изложено ниже, а равно обнаруживается и по случаю уголовных по сему предмету дел; так, по Велижскому делу солдатка Максимова, показала, что кровь нужна была евреям, по их словам, для еврейки-роженицы; подобное показание сделала и Фекла Селезнева, по другому, Минскому делу, в 1833 г.

Неофит говорит еще, что евреи, когда едят на Пасху опресноки свои, изрыгая все возможные хулы на христиан, пекут один опреснок особо, посыпая его золою с христианскою кровью; собственно этот опреснок называется *ефикимон*. И это обстоятельство подтверждается следствиями по подобным делам, а также по помянутому Велижскому делу; там три христианки, работницы жидов, показали, каждая порознь, что сами месили тесто на мацу (опресноки), положив туда немного из добытой евреями крови. Всякому, кто жил между евреями, известно, что они действительно пекут один какой-то особый, священный для них, опреснок, не только отдельно от прочих и в другое время, ночью накануне своей Пасхи, — но что при изготовлении этого таинственного опреснока все дети, бабы и домочадцы высылаются из комнаты и дверь запирается. В этот-то опреснок евреи секты *хасидым* кладут, если могут достать, христианскую кровь. Замечание некоторых заступников за евреев, что если бы это и было справедливо, то жидам не нужно бы посягать на убийство, а можно бы всегда достать крови в любой цирульне, вовсе неосновательно: таинство сего исступленного обряда требует именно мученической христианской крови от невинного младенца, а не крови от больного, коему сделано в цирульне кровопускание. Даже и в тех случаях, где жиды действительно довольствовались добытием крови, не убивая человека, кровопускание все-таки всегда сопровождалось насилием, как это усматривается ниже из бывших случаев: отрезания крестьянину кончика языка на Волыни в 1833 году и насильственного кровопускания девочке в Луцке, в 1843 году.

Неофит говорит далее, что евреи мажутся также христианскою кровью, дабы исцелиться от разных недугов; что при похоронах таких изуверных евреев употребляется также белок яичный с христианскою кровью; что в праздник *Пурим*, в феврале, на память Мордохея и Эсфири, фанатические евреи убивают христианина, вместо Амана, пекут треугольные медовые пряники с частицею крови его и рассылают повсюду. В то же время, говорит Неофит, евреи крадут, если можно, христианских детей, держат их взаперти до Пасхи и тогда совершают над ними свое ужасное убийство, мучат их, как Христос был мучим, и предпочитают для этого детей, вероятно, потому, что их легче можно добыть и что с ними легче и безопаснее управиться, а равно и ради их непорочности. Неофит заключает вышеприведенным признанием о сообщении ему отцом его тайны этой, о закланиях и угрозах отца не обнаруживать ее никогда; “но, — говорит он: — признав Господа нашего Иисуса Христа отцом моим, а церковь святою матерью, объявляю теперь всю истину” (10).

По показанию других обратившихся, евреи употребляют три средства для облегчения родов женщины: муж становится у дверей и читает 54-ю главу пророка Исаи; потом приносит пять книг Моисеевых из синагоги; и, наконец, *дают роженице высушенную кровь*. Многие уверяют, что это есть кровь от христианского младенца, что подтверждается ниже приведенными выписками из еврейских книг, где именно говорится, что кровь человеческую *для пользы нашей* (от недугов) употреблять в пищу дозволяется, а равно и уголовным делом в Минской губернии 1833 года, где, как упомянуто выше, Фекла Селезнева показала, что еврей Сабуня просил ее достать крови, хоть несколько капель, из мизинца девочки для роженицы-еврейки.

Вот еще изуверная причина употребления евреями христианской крови: Спаситель сказал ученикам своим: “*Се есть тело Мое и кровь Моя*”, на чем и основано у нас причащение св. тайнами, как телом и кровью Христа. В поругание этому святому действию, жиды фанатической секты хасидым мешают

кровь христианскую, мученически добытую, в свои опресноки, и говорят: так будем же есть тело и кровь их, как повелел и пророк Валаам (11). Много писателей двух прошедших столетий писали об этом предмете и положительно обличали евреев в мученическом убиении христианских младенцев и употреблении крови их. Из этих, поименованных за сим, сочинений выбрана большая часть нижепомещенных случаев и примеров, за исключением взятых из подлинных делопроизводств в России и Польше.

Итак, более тридцати писателей говорили об этом предмете в различные времена; они свидетельствуются множеством примеров, бывших в разное время и в разных государствах, разбирают тайное учение евреев, смысл и значение этого бесчеловечного обряда и доказывают действительное его существование. Бренц, например, будучи сам обращенным из евреев, говорит весьма положительно, что зверский обряд этот существует, хотя и содержится в большой тайне, даже между жидами.

В изданной Пикульским в 1760 году в Лемберге книге о жидях (*Ziosc Zydowska*) говорится: в 15 день месяца Шайвата старшина рассчитывает, сколько собрано синагогой денег на христианскую кровь, за которую все евреи, с тринадцатилетнего возраста, вносят плату; потом нанимаются особые евреи, чтобы поймать при случае ребенка, которого держат в погребке, кормят сорок дней хорошо и предают мученической смерти. В то же время они стараются достать частицу Св. Тайн (*Hostye Konsecrowana*), для поругания над ними по особому обряду. Все это подтверждается до некоторой степени Велижским и другими уголовными производствами: в первом видно из перехваченной переписки задержанных жидов, что они напоминают каким-то выборным о их обязанности стараться и ходатайствовать по сему делу; и тут же видно, что евреи подкупили, между прочим, женщину, чтобы она украдала для них из церкви антиминс и, не проглотив Св. Тайн во время приобщения, выплюнула их в платок и принесла им, что и было ею исполнено. Подобные же случаи встречаются неоднократно у византийских историков, и то же подтверждает бывший в начале прошлого века в Бресте раввин Серафинович, крестившийся и описавший впоследствии злодеяния жидов. Он говорит, между прочим, что сам покупал у святотатных христиан для помянутого поругания Святые Тайны.

Пикульский утверждает далее, что тайная еврейская книга Зевхелев объясняет варварский обряд убийства младенцев таким образом: через несколько десятилетий после распятия Спасителя жида увидели с ужасом, что вера Христова начала сильно распространяться; они обратились к старейшему талмудисту, иерусалимскому раввину Раваше (12), который нашел средство против угрожающей им опасности в еврейской книге Рамбам., где сказано: "всякая зловредная вещь не иначе может быть уничтожена, как чрез сочувственное приложение другой вещи того же рода". В доказательство сего книга Рамбам рассказывает, что после убиения пророка Захария во храме кровь кипела на этом месте и ничем не могла быть стерта. Князь Набузардан, увидав это, спросил о причине такого явления и, получив в ответ, что это кровь заклятых животных, приказал сделать при себе опыт, будет ли кровь Животных кипеть таким образом. Удостоверившись в обмане, он пыткой вынудил сознание первосвященников о убиении Захария и, желая отомстить евреям за смерть пророка и успокоить кровь его, приказал резать на том же месте множество еврейских младенцев, до утоления кипящей крови, и действительно достиг этим средством цели своей. Из этого Раваше заключил, что не иначе можно погасить пламя упорной вражды и мести христиан, как собственно их кровью, тайным жертвоприношением невинных младенцев.

Серафинович рассказывает весь порядок этого гнусного бесчеловечного обряда, не только как свидетель, но как действовавшее лицо; он говорит именно: "одного ребенка я велел привязать ко кресту, и он долго жил; другого велел пригвоздить, и он вскоре умер". Он также говорит, что младенца катают предварительно в бочке, — обстоятельство, подтверждавшееся во всех почти уголовных делах сего рода, а также что для заклания младенца держится особый нож с золотою рукояткою и серебряный сосуд, а в деле о Велижском происшествии говорится о ноже в серебряной оправе, который даже был отыскан, хотя назначение его и не было положительно открыто; Серафинович уверяет, что в еврейской книге *Гулен* говорится об этой бочке; что раввин приговаривает при этом действии: "проливаем кровь сего незаконнорожденного, как мы уже пролили кровь Бога их, также незаконнорожденного". В полных экземплярах книги Талмуда *Сенхедрин*, по уверению Серафиновича, в главе 7-й сказано: "дети христиан суть незаконнорожденные, а писание повелевает мучать и убивать незаконнорожденных". Талмуд мертвых христиан называет падалью, дохлыми и вследствие того не велит их хоронить; Пикульский говорит именно, что замученного ребенка не зарывают, а выбрасывают куда-нибудь, или кидают в воду: между тем почти все подобные злодеяния действительно обнаруживались оттого только, что искаженное тело младенца было случайно найдено в поле, в лесу, или всплывшим на воде; и если бы евреи не были обязаны поверьем своим выбрасывать просто искаженный труп мученика, то было бы трудно понять, для чего они не стараются зарыть его и скрыть таким образом, чтобы оно по крайней мере не бросалось в глаза первому прохожему.

Пикульский объясняет далее, для (13) чего жидам нужна кровь христианского младенца: в известный день исуверы обмазывают ею двери какого-либо христианина; новобрачным дают яйцо с этою кровью; при (14) похоронах мажут глаза покойника яичным белком с кровью; в мацу или опресноки кладут немного этой крови и сохраняют часть опресноков в синагоге, до добытия свежей крови, размачивая их в воде и употребляя вместо крови, когда не удастся достать младенца. Благословляя еврея на счастливую торговлю и обманы, раввин также дает ему яйцо с этою кровью. В праздник *Пурим* (Амана) евреи пересылают друг другу гостинцы, также с кровью. Еще, говорит Пикульский, употребляют кровь эту на разные чары, о чем будто бы намекается в книге Талмуда *Хохмес Ныстерь*, хотя и не говорится ясно. Все это довольно согласно с помещенным выше показанием Неофита и со многими уголовными делами.

Далее, говорит Пикульский, в книге *Сенхедрин*, гл. 6 и 7, сказано: “Если дитя твое расположено к христианам, то убей его; убить христианина есть богоугодное дело. Если жид убьет жида, то да накажется смертью; если убьет христианина, то не подлежит наказанию (15) . Если христианин принесет Богу в жертву дитя свое, имеет большую заслугу”. Последнее евреи толкуют так: тут написано христианин, чтобы скрыть настоящий смысл, но это значит, что евреи должны приносить в жертву детей христианских. Но главное толкование этого гнусного обряда, говорит Пикульский, состоит в том, что, убивая детей христианских, евреи, как полагают, *убивают в них Христа и что ожесточение евреев против христиан может насытиться только христианскою кровью.*

Пикульский говорит далее, что евреи, в случае неудачи, стараются купить младенца невольника в Царе-граде; что отроку должно быть не более тринадцати лет, и что евреи берут для сего вообще одних мальчиков, потому что Иисус Христос был мужчина. Помещенные ниже примеры доказывают, что еврейские исуверы иногда также убивают девочек, и даже взрослых мужчин и женщин. Для некоторых чар, говорит Пикульский, евреи употребляют и выпущенную из руки христианина кровь, что действительно подтверждается бывшим в 1843 г. в Луцке случаем, о коем будет говорится ниже, где евреи сделали христианской девке насильственное из руки кровопускание.

На прении, которое держали в 1759 году во Львове талмудисты с противниками своими, евреями, не признающими Талмуда, также были рассуждения о том, что *кто верит в Талмуд, тот верит и в употребление крови христианской*; слова: *Яинудым* красное вино и *Яин-Эдым* (16) — христианское вино пишутся по-еврейски одними буквами, и вся разница заключается в знаках, заменяющих гласные буквы; посему и утверждают, что тут подразумевается не вино, а христианская кровь.

В книге *Басни Талмудовы*, напечатанной сперва на польском языке в Кракове, а потом, в 1794 году, на русском в Почаевском монастыре, также утверждается, что в месяц несен (апрель) жиды распинают и мучают христианского младенца, если могут достать его, и что об этом. говорится в книгах Талмуда *Зихфелеф*, *Хохмес* и *Наискобес*, хотя смысл скрыт и темен. Сочинитель говорит, что евреям нужна кровь этого младенца: 1) для чарования против христиан; 2) для свадебного обряда; 3) для обряда при похоронах; 4) для опресноков или мацы; 5) для счастливых оборотов по торговле; 6) для праздника Амана, где раввины кровь сию кладут в брашна и рассылают в виде гостинца. Эйзенменгер (17) также говорит, что жиды, по уверению многих писателей, употребляют кровь замученных ими младенцев в виде колдовства, для удержания кровотечения при обрезании; для половых возбуждений, для женских болезней и наконец, вообще для жертвенного примирения с Богом. Выше объяснено было, почему Талмуд все еще составляет недоступную для нас тайну, объяснено, что все нынешние экземпляры его неполны и смысл опасных мест затемнен с намерением чрезвычайно хитро и загадочно, так, например, что иногда, по известному одним только посвященным в таинства эти каббалистическому правилу, должно читать не те слова, кои написаны, хотя в них и есть смысл, а переставить буквы, и тогда выйдет совсем иное; в других же местах вставлены слова, коих каждая буква означает целое слово, и, следовательно, мнимое слово содержит в себе целое изречение. Несмотря на это, однако же. Талмуд все еще так богат бессмысленным и противным человечеству исуверством, что, конечно, нет злодейства, которое он не разрешал бы жидам против христианина. Какую бы ни заставить еврея произнести клятву, относящуюся до христианина, она во всяком случае будет ничтожна и никогда ни одного талмудиста не свяжет. Все, что говорится в Ветхом Завете о людях, о человеке и человечестве, евреи относят собственно и исключительно к себе только, потому что они одни люди, а прочие народы, на основании Гемары, скоты или животные. Приведем, для примера, несколько выписок из Талмуда, сделанных крещенным евреем Поздерским по поводу Велижского дела, “Вы, евреи, люди, а не прочие народы света” (Талмуд, кн. Бове-мецие, разд. 9). Посему Талмуд разрешает всякую обиду, насилие и воровство еврея у иноверца: “От ближнего не отымай ничего, как гласит заповедь; но ближний твой еврей, а не прочие народы света”. (Талмуд, кн. Сенхедрин, разд. 7, лист 59). Таким образом, Талмуд толкует - Ветхий Завет от точки до точки и всюду делает это различие, называя человеком и ближним еврея, израильянина, но отнюдь не иноверца.

“Благословляй покойника, если встретишь гроб еврея, и проклинай умерших другого народа и говори: обесчещена мать ваша, краснеет родившая вас, и проч”. (Талмуд, кн. Брехес, разд. 9, лист 58).

“Если кто скажет, что Бог принял на себя плоть человеческую, то он лжец (эпикойрес) и достоин смерти; посему на такого человека еврей допускается свидетельствовать ложно”. (Талмуд, кн. Сенхедрин).

“Иноверец, убивший, иноверца, равно и еврей, убивший еврея, — наказывается смертью; но еврей, убивший иноверца, не подлежит наказанию”. (Кн. Сенхедрин, разд. 7, лист 59).

“Если иноверец читает Талмуд, то он достоин смерти, потому что в Ветхом Завете сказано: “Моисей дал нам в достояние закон; т. е. дал нам, но не прочим народам”. (Там же). Остается опровергнуть еще одно доказательство, приводимое в пользу евреев, т. е. что закон Моисеев запрещает им, как известно, - употребление в пищу крови. На это отвечаем: во-первых, по учению Талмуда и раввинов, *военная служба и болезни* освобождают от закона вообще и от запрещения на известную пищу; во-вторых, Талмуд же именно разрешает, в известных случаях, употреблять в смеси с яствами *кровь рыбою и человечесью* (Талмуд, кн. ИореДео, разд. 66, лист 53), и говорит по сему поводу так: “кровь скотская, звериная и птичья запрещается; *рыбья кровь* не запрещена, если только по положительным признакам, например, по чешуе, можно узнать, что она действительно *рыбья*”.

Человеческая кровь запрещена также по виду своему, потому что не может быть отличена от скотской; посему кровь человеческая, оставшаяся от зубов на корке хлеба, должна быть отскребена; но случившуюся во рту кровь проглотить можно.

Вообще же, рыбья и человеческая кровь, как по закону не запрещенная, во всякой смеси с яствами разрешается. В книге *Сулхан Орух*, стр. 42, ст. 67, это сказано также ясно: “кровь скота и зверя употреблять в пищу нельзя, а кровь человеческую, *для пользы нашей*, можно”. Евреи уверяют, что это относится до болезней, где кровь употреблялась в древности, как лекарство; но в толковании на приведенное место говорится именно: “*Христиане давно уже предостережены, но нам нельзя обойтись без крови, для того, о чем пишет книга Тойсвюс*”. Далее, стр. 119, стр. 193: “*не дружись с христианином там, где тебе надобно... для того, чтобы не узнали о пролитии крови*”. И вот образчик пропуска в Талмуде, конечно, более чем только подозрительного.

Есть также и словесные показания крещенных евреев о их таинстве крови. Так, например, унтер-офицер Савицкий, крещенный еврей, показал, по случаю бывшего в Гродненской губернии в 1816 году происшествия, что евреи действительно употребляют кровь христианскую и для этого истязают младенцев. По словам его, обряд этот исполняется в половине апреля, к празднику *Пейсах*, т. е. к Пасхе; в память заклания агнца притолока обрызгивается кровью младенца, или к ней прикасаются ниткой, намоченной в этой крови. Все это вполне согласно с помещенными выше сведениями и показаниями, а равно и с обстоятельствами бывших случаев. Савицкий далее показал: младенцев берут преимущественно, потому что с ними легче справиться и легче их достать; каждому еврей, успевшему в этом, дается отпущение грехов; на истязание младенца, распятие его и проч. есть подробные правила, и всё это должно быть исполнено в синагоге; но когда есть опасность, что дело могло бы чрез это огласиться, то допускается убить христианина, где и как можно, не соблюдая никаких особых обрядов; посему и бочка, в которой велено катать жертву, для привлечения подкожной крови, в новейшее время отменена — и именно сделал это бывший в Вильне раввин Илия, хасид. Савицкий просил только оградить его от весьма опасного преследования евреев и в таком случае брался обнаружить все; но предложение его не было принято. Он показал, между прочим, что жиды читают во время истязания младенца следующую молитву, из книги *Мангогима (18)*: “радуйтесь и веселитесь, да извлечется кровь сия в память вечную, не яко отрока сего, но яко падшаго Кудра (Спасителя)”. Потом из книги *Сейдер*, молитва Олейна: “Христиане поклоняются кумирам, камню или дереву, изображая на оных Христа, но не получают от Него никакой помощи. Да исчезнет имя Его и да погибнут верующие в Него, яко трава иссыхающая и яко воск тающий”. Помянутый хасид написал об этом весьма редкую и содержимую в большой тайне книгу под названием *Цивуй*.

Лейб-гвардии Финляндского полка рядовой Федоров, крещенный еврей, по поводу разбирательства по Велижскому делу, показал в 1830 г., что по общеизвестному и втайне сохраняемому между евреями учению, им действительно нужна кровь христианская к празднику *Пейсах* (Пасхе), в опресноки; что отец его, Федорова, ему об этом сказывал, что он сам, как уверен, употреблял опресноки с этою кровью. Федоров изобличен был в некоторых ложных показаниях, когда вздумал выслужиться и объяснить подробности Велижского дела, известного ему только поверхностно; это, однако же не доказывает еще, что общее показание его было также неосновательна, особенно если оно согласно со всеми прочими сведениями о сем предмете.

Крещенный еврей Грудинский по поводу того же дела показал то же. Многие из показаний его оказались ложными; не менее того он, однако же, с большого подробностью и согласно с прочими

сведениями описал порядок и цель этого фанатического обряда. Он утверждал, что есть содержащаяся в большой тайне книга *Рамбам* (Гандома церихен дмей Акумь сельмйцвес), в которой обряд описан во всей подробности; что сам он видел и читал эту книгу и что на том экземпляре нарисованы были, в виде арматуры или виньетки, все снаряды, необходимые для совершения сего бесчеловечного обряда; что для этого содержатся при синагоге железная корона, два железных копьеца, нож для обрезания, полукруглое долото для желобковатой раны в боку младенца; бочка, в которой катают его для привлечения подкожной крови, и описывает со всею мелочною точностью вид и особенное устройство этой бочки, как может ее описать только человек, тщательно рассматривавший предмет. Он же говорит о том, что варварский обряд этот несколько изменяется, когда истязают, из-за недостатка мальчика, девочку; и это также согласно с показаниями солдатки Терентьевой По Велижскому делу. Грудинский говорит, между прочим, что девочек должно катать в другой бочке, чем мальчиков, что бочка эта иначе устроена; а Терентьева, бывшая сама соучастницей нескольких подобных злодейств, показывает именно, что девочку замучили жида таким же образом, обрезав ей предварительно ногти и сосочки на груди, тогда как над мальчиком совершили, еврейское обрезание, но что *девочку качали в другой, иначе устроенной бочке*. Грудинский присовокупил еще одно, по-видимому, незначительное, но в сущности чрезвычайно важное, обстоятельство: а именно, что в воспоминание предательства Иудею Искариотским Спасителя *младенец, должен быть куплен у какого-либо христианина за 30 сребреников*; но в случае нужды дозволяется самим евреям похищать детей и за то передать христианам под каким-либо предлогом, хотя в разное время и в разные руки, 30 монет.

Показание это важно потому, что почти во всех подобных делах, где совращенные христиане сознавались впоследствии сами, что доставили жидам ребенка за деньги, говорится именно о *тридцати* монетах. Так, по Минскому делу 1833 года, Фекла Селезнева показала, что еврей Орко Сабуня обещал ей 30 целковых за христианского ребёнка; Никульский (Zlosc Zydowska, 1760, Лемберг) говорит, что евреи вносят за кровь эту и на приобретение младенцев каждый по два злотых, или 30 копеек серебром; Серафинович, о коем говорено выше, сам сознается, что платил по 30 червонцев, и проч.

Грудинский и другие объясняют неистовый обряд этот таким образом: Спаситель наш, по мнению жидов, был не сын Божий, а человек и творил чудеса чернокнижием. Этим средством он и обратил израильтян назвав их беснующимися, в стадо свиней, утопив их в озере; затем христиане едят свиней, хотя и знают, что это кровь обращенных израильтян; а жида, коим Бог повелел распять и истязать Христа, повторяют это теперь над последователями Его, утоляя месть свою кровью их и предавая младенцев их заклятию, вместо агнца пасхального.

Одна из самых замечательных книг об этом предмете есть, без сомнения, сочинение аббата Киарини, напечатанная в Париже в 1830 году и посвященная Государю Императору. Киарини с примерным беспристрастием разбирает основное учение евреев, доказывает, что все правила Талмуда содержат учение разрушительное, не признающее ни обществ, кроме еврейского, ни даже самого человечества или человека, кроме собственно еврейского и еврея. Киарини разоблачает всю лжемудрость, злобное изуверство и нетерпимость содержащихся в тайне учений; он написал книгу свою с высокою и благородною целью: исследовать во всей подробности настоящий быт и отношения евреев и указать на средства, каким образом вывести несчастный народ этот из губительного его положения. Посему Киарини не обнаруживает ни малейшей ненависти к жидам, а, ограничиваясь одними учеными разысканиями, смотрит на народ этот с христианским смирением. Не менее того, однако же, коснувшись предмета записки сей, он говорит:

“Кровавый, суеверный обряд, который, вероятно, находит последователей только в небольшом числе изуверов низшего сословия евреев, состоит в том, чтобы завлекать разными средствами христианских детей и приносить их в жертву во время израильского праздника Пасхи. Может быть, этим возобновляется память богоубийства, совершенного прародителями их, или кровь младенцев употребляется для изуверных целей, а, вероятно, и то, и другое вместе. Раймонд Мартин утверждает, что обычай этот основывается на изречении Талмуда; но я нахожу в приводимых им словах одно только *разрешение* скрытно убивать христиан, разрешение, которое изуверный народ, конечно, мог объяснить по-своему. Мы видим, также в слове *скрытно* оговорку или оправдание, если злодеяние это не будет исполнено; мы видим также, что Талмуд в ясных словах повелевает жидам стараться сокрушать, огорчать чем-нибудь христиан, перед их торжественными праздниками, чтобы отвлечь их, христиан, от исполнения обрядов церкви и не дать им спокойно наслаждаться священным для них торжеством. Такое учение, конечно, может быть истолковано жидами по произволу”. Это место Талмуда, как замечает Киарини, искажено с намерением в новейших изданиях, чтобы не подать христианам подозрения. Затем он продолжает: “оспаривать, что жида во многих европейских землях, в исступлении своем, совершали этот бесчеловечный обряд (убиение христианских младенцев), значило бы вычеркнуть из страниц летописей несколько десятков событий или случаев, во всей подробности описанных и со всею основательностью доказанных; это значило бы разрушить и

уничтожить несколько, памятников, сохраняемых некоторыми городами, вместе с преданием об этом ужасном преступлении; это значило бы наконец признать, без всякого к тому основания, лжесвидетелями людей, которые еще живы и видели своими глазами, если не самое исполнение злодеяния, то по крайней мере несомненные к тому попытки. В течение настоящего года (1827) жида в Варшаве, для шутки, как они говорят, поймали христианского ребенка и заперли в сундук ([19](#)), где он был отыскан. Но если рассудить, что это сделалось, как обыкновенно, день или два перед Пасхой и что жида при этом окружили и обеспечили себя всеми предосторожностями, по учению талмудистов, то будет слишком трудно прикрыть такое действие личиною вовсе неуместной шутки”.

В министерстве внутренних дел есть при делах доставленная одним известным крещенным евреем выписка из еврейской книги *Эц-Хаим* (древо жизни), писанной в XVII веке раввином Хаим Витал, который жил в Польше. Переводчик при сем случае объявил письменно, что обычай истязать христианских детей, по уверенности его, действительно у евреев существует. Выписка эта или перевод в самой вещи служит полным доказательством оспариваемого вопроса; если уже раввин решился написать подобную вещь, не обинуясь, в изданной им книге, то нельзя сомневаться, чтобы не нашлись изуверы, которые бы в ослеплении своем не были готовы посягнуть на такое бесчеловечное злодеяние.

Вот перевод этой выписки:

“Всякое животное сохраняет посредством жизни известную частицу святости Всевышнего”.

“Человек, кто бы ни был, сохраняет этой святости при жизни более, нежели животное”.

“Когда заколем ([20](#)) животное, тогда отходит от него тень жизни вместе с известною частицею святости и обращается в пользу того, кто в снесь сие животное употребляет; но пока тень жизни от животного еще не совсем отошла, то сохраняющаяся в нем известная частица святости запрещает нам употреблять его. в пищу. Так сказано в св. писании и о человеке, кн. Числ, гл. 14, ст. 9: “Они нам в снесь, отошла от них тень их”. “Сие показывает нам намеками, что так как в них нет уже более той частицы святости, то они, как заколотые животные или хлеб, в снесь нам предоставлены; посему и сказано кн. Числ, гл. 23, ст. 23: — *Сие людие* (народ израильский) *не уснет, дондеже мечь лавь и кровь посеченных испиет*; и сие намекает на людей, не сохраняющих в себе святости свыше”.

“Из всего оного мы заключаем, что *убиением и питием крови гоя* (неверного) *умножается святость Израиля или евреев*”.

Вот что написано в книге *Эц-Хаим*; а после такого разительного и неоспоримого доказательства в существовании между евреями такого иступленного обряда можно только утверждать, что евреи большею частью не следуют сим наставлениям, но отрицать самое существование их невозможно.

Таким образом, мы видим, что, все писатели и крещённые евреи, утверждающие существование этого обряда, согласно говорят о цели, значении и порядке исполнения его; а если еще откроется ниже, что во всех случаях, где злодеяние обнаружилось и пытка или очевидные улики и совесть вынудили сознание, сие последнее также вполне согласуется с помянутыми писателями и со всеобщим народным преданием, — то, кажется, дело можно будет считать решенным. Что значат в сравнении с сими доказательствами и с неоспоримыми событиями риторические возгласы филантропов и космополитов, или свидетельства нескольких образованных и честных евреев, вовсе не посвященных в сии таинства, или же удостоверение ученых что это было бы противно коренным законам Моисея? В этом духе было опровержение или отречение, сделанное гласно английскими евреями в парламенте; в этом же духе торжественная клятва нескольких крещенных германских евреев и наконец тем же оружием некоторые писатели жарко защищали жидов, как, например, ученый Гитциг ([21](#)) с товарищами в новейшем юридическом сочинении своем: “*Der neu Pitaval*”. Все это может сбить с пути того только, кто не знаком коротко ни с изуверством закоснелых жидов, ни с событиями и судебным по ним производством; но все это не, может сделать черное белым, а бывшее небывалым.

БЫВШИЕ СЛУЧАИ ЗЛОДЕЙСКОГО ИЗУВЕРСТВА ЕВРЕЕВ

Переходя затем к исчислению бывших случаев злодейского изуверства евреев и к разбирательству важнейших из них, или, по крайней мере, ближайших к нам и посему более достоверных, взятых из подлинных делопроизводств и из разных книг, писанных об этом предмете, — должно наперед всего упомянуть, что уже в первые века христианства евреи носили по улицам изображение Амана на кресте в поругание христиан и неоднократно убивали, по злобе, где могли, христиан (Церк. Ист. Шрекка, т. VII), и что в законах польских и литовских 1529 года мы находим особый, на подобный случай закон: “При обвинении жида в убиении христианского младенца должно представить трех

свидетелей из христиан; а кто не докажет обвинения, тот сам подлежит казни". (Чацкий, О литовск. и польск. законах, т. I, о привилегиях жидов). Затем:

В IV столетии

1) При кесаре Константине жиды были изгнаны из некоторых провинций за то, что распяли христианского ребенка на кресте в Страстную пятницу.

В V столетии

2) В уложении императора Феодосия запрещается евреям праздновать воспоминания свои поруганием над подобием креста, которое ими торжественно сжигалось; Феодосий же запретил строить синагоги в уединенных местах, в предупреждение разных, неоднократно случавшихся, неистовств; но евреи, несмотря на это, распинали тайно христианских младенцев, и несколько человек их было за это казнено, что случилось в 419 году, в Сирии, между Антиохиею и Халкидоном, в Пиместаре (Eisenmenger. Т. II. p. 220).

В VII столетии

3) В царствование Фоки, жиды были изгнаны из Антиохии за то, что умертвили, по изуверству, поносною смертью (22) епископа Анастасия и убили многих христиан.

В XI столетии

4) В 1067 году в Праге (в Богемии) шесть евреев; зашиты в мешки и утоплены в реке за то, что выпустили из трехлетнего младенца кровь и переслали ее другим евреям, в Тревизу (Мосцкий, гл. 25).

5) В киевских пещерах почивают доныне мощи преподобного Евстратия, коего память празднуется 28-го марта. В Патерике находится житие его и говорится, что святой угодник был киевлянин, взят в плен половцами, при нашествии хана Боняка 1096 г., продан в Корсунь жиду, который подверг его разным мукам и, наконец, к празднику Пасхи своей распял его на кресте, а потом бросил в море. Тут нашли тело его русские христиане и привезли в Киев (печ. Пат. л. 169).

6) Между Кобленцем и Бингеном, на Рейне, есть доныне часовня с мощами ребенка, замученного в XI веке жидами; местные католики почитают его святым.

В XII столетии

7) В 1172 году, в Блуа, во Франции, евреи распяли ребенка, положили труп в мешок и бросили в реку Луару (Centur, Magdeb. XII, Cap. XIV).

8) То же случилось там в 1177 году, в самый день Пасхи, и несколько евреев сожжены за это на костре. (Там же и Шлешек, гл. 9.)

9) В 1179 году в Германии казнены были евреи, за распятие ими на кресте ребенка (Дубравиус, кн. 18).

10) В 1146 году в Норвиче (в Англии) евреи были казнены за распятие младенца Вильгельма в Страстную пятницу. Случай этот описан со всею подробностью (там же; Винценций, кн. 27).

11) В Брае (во Франции) жиды подкупом получили позволение казнить христианина, под предлогом, что он разбойник и убийца; они надели на него железную корону, секли его розгами и распяли. (Там же.)

12) Писатели прежних времен, Гегин (23) и Наудер, свидетельствуют в общих словах, что парижские жиды в XII веке похищали к Пасхе младенцев и предавали их в подвалах мученической смерти.

13) В Глостере в царствование Генриха II жиды распяли христианского младенца во время Пасхи. (Там же, гл. XI, XIV.)

14) В 1179 году в Праге (в Богемии) казнено Много евреев за измученного и распятого ими ребенка. (Гагель, лист 304.)

15) Близ Орлеана (во Франции), в 1175 г. сожжено несколько раввинов за умерщвление ребенка, брошенного ими после в воду. В 1180 р. жиды были изгнаны за подобные злодеяния из Франции. (Твер (24) кн. 4.)

16) Около того же времени то же случилось в Аугсбурге (в Германии), за что все евреи были оттуда высланы.

17) В 1183 году жиды, судившиеся за подобное злодеяние, совершенное в Великий пяток, сознались в нем, а равно и в том, что обязаны делать это по своей вере. (Винценциус, кн. 29, гл. 25.)

В XIII столетии

- 18) В 1288 году в Бехараце (в Германии) евреи замучили ребенка и положили под гнет, чтобы выжать из него кровь. (Шлешек, гл. 9).
- 19) В 1228 году евреи в Аугсбурге распяли ребенка. (Там же).
- 20) В 1234 году в Норвиче евреи похитили ребенка, держали его втайне несколько месяцев, до Пасхи, — но не успели совершить злодеяния своего; ребенок отыскан, а они казнены.
- 21) В 1250 году в Арагонии жида распяли во время Пасхи своей семилетнего ребенка. (Eisenm. Т. II, р. 220).
- 22) В 1255 году в Линкольне (в Англии) евреи похитили восьмилетнего отрока, секли его бичами, увенчали терновым венцом и распяли на кресте. Мать нашла труп в колодце; евреи изобличены и сознались; один из них на месте растерзан лошадьми, а девяносто отведены в Лондон и казнены там.
- 23) В 1257 году в Лондоне жида принесли в жертву на празднике Пасхи христианского младенца (Eisenm. Т. II, р. 220).
- 24) В деревне Торхан (в Германии) в 1261 году евреи выпустили из семилетней девочки кровь из всех жил, а труп бросили в реку, где он был найден рыбаками. Евреи были изобличены и частью колесованы, частью повешены. (Шлешек, гл. 9).
- 25) В 1282 году женщина продала жидам украденного ею ребенка, а они замучили его, исколов по всему телу. Когда та же женщина хотела передать им еще другое дитя, то, была поймана, созналась во всем под пыткой, указав место, где первый ребенок был брошен: он найден исколотым по всему телу; по этому поводу было в Мюнхене восстание, в коем убито много жидов. (Eisenm. Т. II, Р. 220).
- 26) В 1287 году в Берне (в Швейцарии) несколько евреев колесованы за умерщвление младенца, а остальные высланы. (Книга уголовного производства над евреями).
- 27) В 1295 году евреи вторично высланы были из всей Франции за подобные преступления.

В XIV столетии

- 28) В Вейсензе, в Турингии, в 1303 году несколько евреев сожжено за умерщвление дворянского ребенка, найденного в воде (Eisenm. Т. II, р. 221).
- 29) В 1305 году в Праге жида умертвили в Пасху христианского ребенка. (Там же).
- 30) В Губерлине (в Германии) в 1331 году жида распяли на кресте ребенка, за что заперты были все в один жидовский дом и сожжены. (Шлешек, гл. 9).
- 31) В Мюнхене в 1345 году женщина продала ребенка Генриха евреям, кои нанесли ему до 60-ти ран и распяли его на кресте. (Eisenm. Т. II, р. 221).
- 32) В 1400 году в Турингии евреи купили у католика ребенка и замучили его. Маркграфы Фридрих и Вильгельм повелели за это колесовать и четвертовать католика и евреев. (Маемос, гл. 33).

В XV столетии

- 33) В 1401 году в Швабии народ восстал по поводу умерщвления жидами двух христианских детей, купленных у какой-то женщины, — запер всех жидов вместе с нею в синагогу и сжег их там живых. (Маемос, л. 33).
- 34) В 1407 году в Кракове, при короле Ягелле, народ возмутился по случаю умерщвления евреями ребенка, убил много жидов, опустошил и выжег дома их и выгнал всех из города. (Длугош, кн. X; Гембицкий, гл. 7).
- 35) В 1420 году в Венеции казнено несколько евреев за убиенного в Великую пятницу младенца. (Кн. уголов. производ. над евреями за убийство христиан).
- 36) В 1420 году, в Вене, при Фридрихе, сожжено 300 евреев за умерщвление ими трех детей. (Маемос).
- 37) В 1454 году в Вене казнено несколько евреев за то, что убили ребенка, вынули сердце, сожгли его в порошок и пили его в вине. Случай этот тем замечателен, что наши раскольники, толка детогубцев, делали то же, но пили порошок не сами, а опаивали им других для привлечения посредством чар сих к своему братству.
- 38) В 1456 году в Анконе крещенный раввин Эмануил объявил, что бывший там лекарь из евреев отрезал голову служившему у него мальчику христианину и собрал тщательно кровь.

39) Он же показал о другом подобном случае, где евреи распяли мальчика, кололи его и собирали кровь в сосуды.

40) В 1486 году в Регенсбурге найдено в одном жидовском погребке шесть трупов христианских младенцев; при исследовании открыт тут же камень, обмазанный глиной, под которою найдены на камне следы крови, потому что дети на нем были убиты. (Eisenm. Т. II, р. 222).

41) В 1475 году в Триенте, в Тироле.

42) В 1486 году во Вратиславле (Бреславле).

43) В 1494 году в Бранденбурге — казнены и частью сожжены были жида за убиение христианских младенцев.

Происшествие в Триенте описано во всей подробности (25). Трехлетний ребенок Симеон убит был в четверток на Страстной неделе, и жители поклонялись ему, как мученику. Жид Товий, принес его в школу; тут зажали ему рот, держали за руки и за ноги, вырезали кусочек из правой щеки, кололи большими иглами по всему телу и, собрав кровь его, тотчас же положили в опресноки. Жида ругались над ребенком, называя его Иисусом Христом, и бросили труп в воду. Родители нашли труп и донесли об этом властям (Иоанну (26) Салисскому и гражданину Бриксену), кои вынудили из евреев пыткой сознание во всех подробностях этого злодеяния. На могилу младенца ходили на поклонение, и мученик вскоре приобрел имя праведника. Впоследствии папа Сикст IV воспротивился этому и запретил даже преследование триентских жидов, потому, вероятно, что жида успели склонить в пользу свою приближенных к папе людей; Происшествие это изображено было во Франкфурте (27) на картине, которая существовала еще в 1700 году, с подробною надписью, как рассказывает очевидец Эйзенменгер.

44) В 1492 году жида, по подобным обвинениям, изгнаны были из Испании.

В XVI столетии

45) В 1502 году в Праге еврей сожжен на костре за убиение младенца и испущение из него крови. (Гагель, л. 122).

46) В 1509 году в Боссингене (в Венгрии), жида замучили ребенка, украденного ими у одного колесника, и, исколов его по всему телу, выпустили кровь, а труп кинули за город. Виновные сознались под пыткой и казнены. (Eisenm. Т. II, р. 222).

47) В 1510 году жида изгнаны были из Англии, по такому же обвинению.

48) Около того же времени в Данциге еврей украл сына одного мещанина.

49) В Глозаве, при короле Августе, шестилетний мальчик Донемат и семилетняя девочка Доротта замучены евреями.

50) В Раве два еврея украли ребенка у сапожника и лишили его жизни, за что были казнены.

51) В 1540 году в княжестве Нейбурге жида зверским образом замучили христианского младенца, который жил еще трое суток. Дело обнаружилось тем, что еврейский мальчик, играя с другими на улице, сказал: “три дня выл этот щенок и насилу (28) издох”. Это слышали посторонние люди; а потому, когда обезображенный труп был найден в лесу пастушьей собакой, и народ сбегался, то уже знали, за кого взяться. Кровь этого мученика найдена была, между прочим, в другом городе, в Позингене. (Eisenm. Т. II, р. 223).

52 и 53) В 1566 году в Нарве и в Бельске жида подозревались в том же преступлении и успели исходатайствовать особое по сему повеление польского короля Сигизмунда, коим опровергается подозрение это, как нелепое, и король предоставляет впредь подобные случаи своему собственному суду (29).

54) В 1569 году в Ленчицах (в Польше), в Воловском монастыре, жида замучили двоих младенцев.

55) В 1570 году жида изгнаны из маркграфства Бранденбургского за то, что ругались над Св. Тайнами.

56.) В 1571 году жида в Германии содрали кожу с одного христианина, по имени Брагадин, и мученически его умертвили. (Eisenm. Т. II, р. 219).

57) В 1574 году в Литве, в местечке Поне, жида замучили одного младенца;

58) В 1589 году в Вильне, на предместьи — пятерых (30);

59) В 1589 году в Тарнове, в Глобичах, одного, — за что виновные казнены были смертью.

60, 61 и 62) В 1590 году в Ольшовской Воле (в Польше), под Шидловцем, в Курозваках и Петеркове жиды замучили троих детей.

63) В 1593 году там же одна женщина продала евреям троих украденных ею детей. (31)

64) В Красноставцах замучен таким образом студент, или ученик школы.

65). В 1597 году в Шидловце, жиды окропили школу свою кровью замученного ими ребенка, что и записано в судебных книгах. Это согласно с обрядом еврейским помазывать двери в домах своих кровью пасхального агнца, а равно и с вышепомещенными показаниями о сём предмете унтер-офицера из евреев Савицкого и свидетельством Пикульского, что евреи помазывают этою кровью двери в доме христианина. Также точно они не только едят сами опресноки с кровью и сладкие пирожки, изготовляемые к празднику Пурим, но охотно угощают имя и христиан.

66, 67 и 68) В 1598 году в Люблине, в Коле и Кутне (в Польше) замучены жидами три младенца, о чем существует печатное делопроизводство; в особенности замечателен декрет люблинского трибунала. Младенец Алберт найден в лесу при деревне Возники исколотый, изрезанный. Евреи были изблечены, но упорно запирались; под пытку все пять человек, допрошенные порознь, показали одно и то же, сознавшись во всем, и повторили гласно показания свои в суде, и в присутствии нарочно призванных для сего евреев. Это также было к Пасхе. Жид Яхим показал, что не участвовал в убийстве, а видел случайно кровь младенца в горшке, и даже отведал ее, обмакнув палец, полагая, что это мед. Марко, богатый арендатор, у которого жил Яхим, и жена Марка не велели ему никому сказывать о том, что видел, но не открыли ему тайны, для чего нужна эта кровь; Яхим, однако же, слышал давно от других жидов, что им кровь точно нужна.

Аарон сознался, что, он, вместе с Исааком, украли младенца, когда возили солод, и передали Зельману, который зарезал его, собрал кровь и нанял работницу Настасью, чтобы вынести труп в лес. Аарон впоследствии несколько раз повторил свое показание, не отрекаясь более от слов своих, — но не каялся, а показывал закоснелое изуверство, даже когда узнал о смертном приговоре.

Исаак также сознался, показал все мелочные обстоятельства, согласно с Аароном, и дополнил отвратительною, подробною картиною об истязании и смерти мученика. По словам его, кровь была роздана и употреблена в опресноки.

Мошко, из Меджержица, показал совершенно то же и объяснил причину, для чего жиды замученных младенцев (32) не хоронят, сказав, что это противно вере их; его надо выкинуть, а не зарывать. Правило это вполне согласуется с тем, что сказано было об этом предмете выше, о показаниях крещенного раввина Серафиновича.

Работница Настасья, христианка, созналась во всем без пытки; она присовокупила, что еврейка, хозяйка ее, сказала ей, вынося вместе с нею труп, что если бы предать его земле, то все бы евреи погибли. Виновные были казнены (33).

В XVII столетии

69) В 1601 году в Чаграхе (в Польше) евреи утертвили девочку.

70) В 1606 году в Люблине мальчика.

71) В 1607 году в Зволыне (в Польше) мальчика, которого нашли в воде обезображенным с отрезанными членами.

72) В 1610 году в Сташеве (в Польше) еврей Шмуль украл младенца, продал его в Шидловец, где жиды схвачены в то самое время, когда истязали жертву свою. Евреи четвертованы, а тело младенца положено в каплиде, с надписью: *Filius Joharinis Koval et Susannae Nierychotovskiae, civium Staszowiensium, cujus vox sanguinis vindictum clamat ut Judei nominis Christiani hostes pellantur Stasovie*; — То есть: сын Ивана Коваля и Сузанны Нерихотовской, граждан Сташевских, коего глас кровавой мести взывает об изгнании из Сташева евреев, врагов христианского имени.

73) В 1616 году, апреля 24, в Вильне жид Бродавка утертвил младенца Яна, сына крестьянина помещика Олесницкого.

74) В 1617 году в Сельцах, под Луковым, замученный евреями младенец отыскан и положен в коллегииате, в Люблине.

75) В 1626 году в. Сохачеве несколько христианских детей были украдены и убиты жидами.

76) В 1628 году в Сендомире жиды замучили двоих детей аптекаря.

77) В 1636 году последовал декрет люблинского трибунала по подобному делу: жиды пригласили под каким-то предлогом кармелитского лаика (послушника) и, кинувшись на него внезапно, выпустили из

него много крови и, угрожая смертью обязали страшною клятвою не обнаруживать происшедшего. Но вследствие этого насилия послушник отчаянно занемог, сознался во всем настоятелю, а сам вскоре, скончался, приняв, однако же, присягу в справедливости его показания. На этом основании евреи были казнены.

78) В Калишской губернии, в городе Ленчицах, в костеле бернардинов, находится поныне труп замученного евреями младенца. Потомки виновных долгое время обязаны были носить по городу, ежегодно в день преступления, картину, изображавшую участвовавших в этом жидов, кои были казнены. Впоследствии обычай этот вывелся, а на евреев наложена была вместо того, в пользу монастыря, денежная пеня.

79) В 1639 году ребенок замучен жидами в Комошицах.

80) В 1639 году в Ленчицах случилось подобное происшествие, коего подлинные акты недавно еще были сохранены (34), и из них сделана выписка: крестьянин Мендык был обольщен жидами и продал ребенка крестьянина Михалковича раввину Мейеру. Собравшись ночью, жиды замучили ребенка точно таким образом, как бывало во всех подобных случаях: они искололи его по всему телу и выпустили из него кровь, а труп возвратили тому же крестьянину Мендыку. Укор совести заставил этого человека донести на себя и на жидов; причем он показал, что прежде того продал им еще двух ребят. Мендык подтвердил то же под присягой и на *двукратной пытке огнем, равно на лобном месте, перед казнию*. Таким образом Мендыка за сознание четвертовали; а жиды, которые упорно ни в чем не сознались, *были высшим судом оправданы*. Это был один из первых и самых замечательных уроков христианам не сознаться и не уличать жидов в таком ужасном злодействе.

81) В 1648 году в Иванишках жиды замучили и искололи ребенка, а раны залили воском.

82) В 1650 году, марта 21-го, в Кадене колесован один жид за то, что умертвил ребенка, нанеся ему восемь рад и обрезав пальцы на руках. (Eisenm. Т. II, р. 223).

В 1649 году жиды истязали и умертвили младенцев:

83) В Хвостове;

84) В Кях, неподалеку Пинчова;

85) В Негословицах, под Вацановым;

86) В Сецимине;

87) В Опатове — и виновные казнены,

88) В 1655 году случилось то же в Брежнице, под Сендомиром, где обвинен арендатор Цико,

89) В Острове, под Люблиным,

90) В Праще.

91) В 1660 году в Тунгухе (Tunguch, в Германии) жиды на Пасху зарезали христианского ребенка, за что были сожжены до 45 человек. (Eisenm. Т. II, р. 223).

92) В 1669 году около Меца (во Франции) жид Леви украл ребенка, который найден был мертвым в лесу; виновный был сожжен. Подробности этого дела описаны в книжечке: *Abrege du proces fait; aux Juifs de Mets*, 1670.

93) В 1665 году 12-го мая, евреи в Вене мученически умертвили женщину, которую нашли, изрезанную на части, в озере. Так как подобные злодеяния *повторялись* и впоследствии, то жиды и были изгнаны императором в 1701 году из Вены. (Eisenm.-Т. II, р. 220).

В 1689 году были подобные происшествия и виновные наказаны:

94) В Жулкеве;

95) В Лемберге (Львове);

96) В Цеханове;

97) В Дрогобечке. Судьи, собравшиеся в сем последнем месте по этому делу, *все были отравлены*.

98). В Минской губернии, у Слуцка, в Свято-троицком монастыре, почивот мощи младенца Гавриила, замученного в 1690 году жидами. В надписи рассказаны все подробности этого происшествия; злодейство совершено в Белостоке, труп найден в густом хлебе, с обычными в сих случаях знаками. Собаки открыли лаем своим тело младенца, признанного впоследствии местным угодником. В честь ему сложены молебные песни, известные под названием тропаря и кондака. Еврей, арендатор Шутка, был главный убийца. О судебном производстве по сему делу памятников не осталось из-за пожаров.

- 99) В 1694 году умерщвлен ребенок жидами во Владимире на Волыни.
- 100) То же случилось в 1697 году в Новом Месте, под Равою, и
- 101) В Вильне, где несколько жидов, за мученическое убийство младенцев, были казнены. В 1698 году:
- 102) В воеводстве Брестском, в Заблудове;
- 103) В Кодне, под Замостьем;
- 104) В Сендомире;
- 105) В Рожанах, и
- 106) В Слониме — евреи замучили семерых детей; а в Бродах отравили епископа Цешейку.
- 107) В Цеханове и в Белой, в 1699 году, жида были казнены на площади, перед синагогою, за то, что, опоив молодого человека, христианина, выпустили из него кровь и уморили (35).

В XVIII столетии

- 108, 109 и 110) В 1705 году в Гродне, в Цеймейлеве и Ржешове жида замучили к Пасхе трех христианских детей.
- 111) В 1750 году жида, по такому же происшествию, изгнаны были из Каменца-Подольского.
- 112) В 1753 году в Житомире был случай, разысканный во всей подробности и доказанный следствием и судом; самое решение по сему делу отыскано было в архиве в 1831 году.

В Страстную пятницу 20-го апреля 1753 г. в деревне Маркова Вольница жида поймали вечером трехлетнего младенца Стефана Студзитского, унесли его в корчму, поили медом и кормили хлебом, размоченным в водке, отчего ребенок заснул и лежал спокойно за печкой. В ночь на Светлое Воскресенье жида собрались в корчме, завязали ребенку глаза, зажали рот клещами, и, держа над лоханью, кололи со всех сторон острыми гвоздями, качая и приподнимая, для лучшего истечения крови. Когда страдалец испустил дух, труп был отнесен в лесок, где был найден на другой же день. По очевидным уликам, еврейки Брейна и Фружа, без пытки, сознались в этом убийстве, а мужья их были ими уличены и также без пытки сознались. Затем прочие были преданы пытке и, повинившись, сделали столь подробное описание этого злодейского преступления, что уже, конечно, не могло оставаться никакого сомнения. Евреи были казнены жестокой смертью в Житомире: раввину Полодкому и пяти другим жидам сожжены под виселицею руки, обмотанные смолистой пенькой, вырезано по три ремня из спины, а потом они четвертованы, головы посажены на кол, а тела повешены; пятеро (36) других просто четвертованы, головы посажены на кол, тела повешены, один, принявший св. крещение, обезглавлен. В то время была написана картина, изображающая труп младенца Студзитского в том самом виде, как он был найден, исколотый по всему телу. Подлинная картина, вероятно, цела еще доныне; она хранилась у архиепископа львовского.

- 113 и 114) В 1799 году, как видно из дел департамента иностранных исповеданий (37), было два подобных случая: 1) Около Режицы найден в лесу мертвый человек с необыкновенными знаками и ранами на теле: на кисти правой руки просечена как бы долотом, рана; другая повыше левого локтя; третья, подобная, под левой икрой и четвертая на спине. Раны явным образом были нанесены умышленно и в несколько приемов; человек этот ночевал в корчме у жида, коего работник вывез его, в этом положении, в лес. Но следствие ничего не открыло, потому что все взятые под стражу евреи бежали и не были отысканы. 2) В том же году, перед еврейской Пасхой, в Сеннинском уезде, близ жидовской корчмы найден труп женщины, исколотый в лицо, на руках и ногах, и по всему телу; но на платье не оказалось никакого следа крови, из чего видно, что она была раздета, исколота, лишена жизни, а потом обмыта и одета. По следствию ничего не открыто.

В XIX столетии

- 115) В 1805 году производилось дело в Велижском поветовом суде о найденном в реке Двине теле двенадцатилетнего мальчика Трофима Никитина; мальчик был зарезан и по всему телу исколот, в чем обвинялись три жида, и в том числе Хаим Черный, попавшийся вторично по такому же делу в 1823 году. По недостатку улики дело предано воле Божией; но впоследствии открылись важные упущение делопроизводителей, за что на земский и поветовый суды наложена была пеня, но дело не переследовано.
- 116) В 1811 году, перед Пасхой Витебской губернии в деревне помещицы Томашевской пропал у крестьянина из колыбели ребенок, и хотя многие обстоятельства наводили подозрение на жидов, но следствием ничего не открыто.

117) В 1816 году в Гродне, под Пасху найдена жертвою крестьянская девочка Адамовичева, у коей одна рука вырезана была из локтевого сустава, а тело исколото во многих местах. В этом злодействе подозревались евреи, и Первое исследование усилило подозрение; но евреи прислали депутатов в С.-Петербург, жалуясь на такое оскорбительное для них подозрение и приписывая его, очень хитро, ненависти поляков за приверженность жидов к правительству. Вследствие сего и состоялось Высочайшее повеление от 28-го февраля (объявлено 6-го марта) 1817 года, “чтобы евреи не были обвиняемы в умерщвлении христианских детей по одному предвзвешенному, будто они имеют нужду в христианской крови, а что если бы где случилось смертоубийство и подозрение падало на евреев, — без предубеждения, однако же, что они сделали сие для получения христианской крови, то было бы производимо следствие на законном основании и проч.”. На сем основании гродненскому губернскому начальству сделано было Высочайшее замечание, и дело прекращено. Но по настоянию губернского прокурора, который нашел, неправильности и неполноту в первоначальном следствии, оно было возобновлено через 10 лет: государственный совет, приняв в рассуждение десятилетнюю давность и Высочайшее повеление 1817 года, коим подобные подозрения на евреев запрещено принимать, — положил: предать дело это забвению. Крещенный еврей Савицкий явился при сем случае, вызвавшись изобличить жидов, если только его обеспечат от угрожающей ему в сем случае опасности; но государственный совет признал, что “такого рода исследования возбранены помянутым Высочайшим повелением”.

118) (38) В 1821 году, на берегу реки Двины найдено тело Христины Слеповронской и в убийстве ее подозревались жида, хотя и ничего не открыто.

119) В 1821 году, под Пасху, Могилевской губернии, Чаусовского уезда в селе Голенях найдено мертвое тело мальчика Лазарева, о коем по наружным признакам судили, что он должен быть умерщвлен изуверными евреями. Губернатор начал строгое следствие, но жида, прислав опять депутатов в С.-Петербург, с письмом уездного стряпчего, изобличающим его в намерении к злоупотреблениям, жаловались на такое оскорбительное для них подозрение, противное Высочайшему повелению 1817 года. Дело было прекращено, а губернскому правлению сделано замечание за то, что оно поступило вопреки помянутого Высочайшего повеления, приняв подобное подозрение на евреев.

120) В 1823 году пастор Эртель обнаружил подобный случай, бывший в Баварии. Это едва ли не последний пример в Западной Европе. С тех пор такие происшествия оглашались только в Польше, в наших западных губерниях и на Востоке, в Турции, Сирии и проч. (Was glauben die Judeh? vom Pfarrer Oertel, Bamberg, 1823).

121) В 1823 году случилось подобное происшествие в Велиже, Витебской губернии, одно из самых замечательных дел, по огромности производства, запутанности, большому числу прикосновенных, по обнаруженным при сем случае другим подобным злодеяниям, по продолжительности, а наконец и потому, что восходило на окончательное решение до государственного совета. О сем деле есть столь точные и полные сведения, что оно заслуживает особенного внимания, почему и будет об нем ниже говориться подробнее.

По поводу разбирательства Велижского дела открыто было еще несколько подобных злодейств, но по всем сим делам, решенным за один раз, улики и доказательства признаны недостаточными. Сюда принадлежали:

122) Убийство в Велиже двух мальчиков крестьянских, в 1817 году. Первое показание об этом сделали: работница Терентьева, которая сама привела, за деньги, мальчиков в дом еврея Цетлина. Работницы Максимова и Ковалева, участвовавшие тоже в этом деле, сознались и подтвердили во всем показание первой; а Ковалева, будучи крепостной богатых евреев Берлиных, которые купили целое имение на имя уездного казначея Сушки, — до того испугалась своего признания, что, проплавав целую ночь и утверждая, что она теперь пропала, удавилась. Мальчикам, по показанию этих женщин, жида остригли ногти, потом сделали обрезание, качали их в бочке, перевязали ремнем ноги под коленями, кололи по всему телу, собирая вытекающую кровь, а мертвых бросили с пристани в реку Двину. Показания этих трех женщин, несмотря на запутанность их, носят на себе, в отвратительных подробностях своих, отпечаток неотвергаемой истины. Так, например, Ковалева, в слезах и в страхе, рассказывала, где и по какому случаю она видела, в особом ларце у Цетлиной, сухие кровавые лепешки из крови этих мальчиков, и — часть крови, собранной в серебряный стакан присовокупляя, что кровь уже испортилась и пахла мертвечиной.

123) Она же, Ковалева, объявила при этом случае, что, по всей вероятности, те же самые жида сгубили родного ее брата, Якова, но что она не смела об этом говорить. По справке оказалось, что малолетний, Яков в 1818 году умер, будто бы от нанесенной самим себе по неосторожности раны; дело это, за давностью, оставлено было без внимания.

124) По тому же делу обнаружилось, что те же велижские евреи в 1817 году истязали и умертвили шляхтянку Дворжицкую, взрослую женщину, коей останки найдены были в лесу на следующий год. И в этом злодействе участвовали те же две развратные русские бабы и открыли все мелочные подробности его. Дворжицкую напоили пьяною, качали в бочке, били по щекам, ругались над нею, положили на два стула, кололи в разных местах и собирали кровь в подставленную посуду; мертвую же обмыли, положили в пошевни и вывезли за город, в лес. Из этого происшествия, между прочим, видно, что жиды, посягающие на подобное дело, не ограничиваются убийством одних только младенцев или мужчин, но готовы воспользоваться всяким удобным случаем, дабы (39) убить христианина и взять кровь его для суеверных обрядов. Впрочем, Терентьева именно показала, что не знает, куда жиды употребили кровь Дворжицкой; но заметила, что они, рассматривая эту кровь, находили ее черною и были ею недовольны.

125) По тому же делу обнаружилось такое: же убийство жидами двух девочек, нищих, в 1819 году в Семичевокой корчме около Велижа. И здесь возмутительные подробности, во всем согласные с обстоятельствами и с другими сведениями о подобных делах, не оставляют никакого сомнения в истине происшествия. Многие жиды, оговоренные по сему делу, избличены были в совершенно ложных показаниях и дерзкой лжи; так, между прочим, они уверяли, что вовсе не знали и никогда не видали Терентьевой, тогда как доказано было, что они знали ее очень коротко и уже много лет, потому что она служила работницей у жидов в том же месте.

126) По тому же делу обнаружилось убийство в Брусовановской корчме еще четырех детей. Это случилось также перед Пасхой, в 1821 или 1822 году, в голодное время, когда дети ходили по миру, и жиды, зазвав их в корчму, заперли порознь, а после поодиночке же умертвили, в присутствии множества других жидов, обыкновенным мученическим образом. Соучастницы жидов, Максимова и Терентьева, назвали поименно большую часть виновных, описав во всей подробности, как преступление было совершено, кто где стоял, что говорил и делал. Один жид доведен был уликами до того, что, мешаясь и теряясь, зарыдав, сказал в присутствии комиссии: “Если кто из семьи моей признается, или кто другой скажет все это, — тогда и я признаюсь”. Другие жиды или упорно молчали, или выходили из себя и неистово кричали и угрожали свидетелям.

Ко всему этому присоединилось еще особое дело о поругании евреями Св. Тайн, полученных под купом, и антимины, украденного нарочно для сего из церкви.

Розыскание показало справедливость этого доноса, раскрыв все подробности его; не менее того жиды не сочли за нужное сознаться и действительно отделались голословным, упорным запирательством. Жида при допросах в присутствии выходили из себя, кричали и бранились до того, что их выводили вон, и комиссия не могла продолжать допросов. Об этом деле, впрочем, упоминается здесь только по связи его с предыдущими.

127) В 1827 году, перед Пасхой, Виленской губернии в Тельшевском уезде, деревни помещика, Дамми, пропал без вести семилетний ребенок Пиотрович. Пастух Жуковский объявил, что видел сам, как жида поймали ребенка в поле и увезли;

труп найден впоследствии искаженный точно таким образом, как во всех подобных случаях; жида путались при допросах, делали ложные показания, снова их отменяли и наконец избличены в злодеянии этом столько, сколько можно уличить людей, не имеющих в оправдание свое ничего, кроме голословного запираательства. Несмотря на то, что в этом случае был даже один посторонний свидетель, помянутый пастух, жида были оставлены только в подозрении. И это, конечно, уже доказывает, что все улики, кроме сознания, были налицо, ибо во всех других современных нам случаях, помещенных выше и ниже, евреи всегда были оправдываемы. К этому должно еще присовокупить, что два жида, кои начали было признаваться, найдены мертвыми: один убитым, под мостом, другой отравленным. Здесь будет кстати упомянуть, что по случаю подобного производства, которое теперь не могло быть отыскано, признавшийся в преступлении еврей был найден повешенным в школе жидовской, при замкнутых дверях; несмотря на это, показание жидов, что он сам удавился, было принято.

128) В 1827 году ребенок пропал в Варшаве за два дня до Пасхи; очевидно, подозрение пало на жидов, следы были открыты, и ребенок, вопреки уверениям и отрицательству хозяина дома жида, отыскан у него в сундуке. Несмотря на многие обстоятельства, обличавшие вопиющим образом виновных в том, что они намерены были принести ребенка обычным образом в жертву своему исступленному фанатизму, жида отделались уверением, что они сделали это для шутки. (Киарини, тл. II).

129) В книге *Путешествие по Турции англичанина Вальиша*, 1828 года, говорится следующее:

“Константинопольские христиане утверждают, что жида, похищая детей, приносят их в жертву Пасхе, вместо пасхального агнца. Я был свидетелем большого волнения между жителями. У греческого

купца пропал ребенок, и думали, что он украден и продан в рабство. Но вскоре тело его нашли в Босфоре; руки и ноги были у него связаны, а особенные раны и знаки на теле показывали, что он был умерщвлен необыкновенным образом, с каким-то особым необъяснимым намерением. Гласные обвинения пали на жидов, потому что это случилось перед Пасхой; но ничего не было открыто”.

130) В 1833 году Минской губернии Борисовского уезда живший в деревне Плитчанах еврей Орко заманил к себе ушедшую от помещика крестьянку Феклу Селезневу и бывшую с нею девочку 12 лет Ефросинью и, по показанию первой, уговорил ее, обещав за это 30 целковых (40), согласиться на убийство последней для того, чтобы добыть из неё кровь. Труп был найден, а на нем, кроме признаков удушения, рана на виске, откуда, по показанию Феклы, Орко выпустил кровь в бутылку. Он говорил ей, что кровь эта необходима ему для какой-то беременной родственницы, при родах коей нужна христианская кровь, для помазания глаз ребенка. Уговаривая Феклу, Орко сказал: “Хоть бы от мизинца достать крови, очень нужно, и без этого никак нельзя обойтись”. В доме жида и частью даже на жене и дочери его найдено снятое с убитой платье; Фекла, после заперательства и противоречия, рассказала все подробности этого убийства и каким образом Орко нацедил крови в бутылочку. Впоследствии жида были уличены в подкупе подсудимой Феклы, чтобы она приняла все одна на себя, а жидов не выдавала. Орко уговаривал также мать убитой, чтобы она не искала дочери своей, которая живет на хорошем месте; он же силою и дракою не допускал к обыску сарая, где, по указанию Феклы, найден был труп. Жена и дочь Орки и сам он путались беспрестанно в ложных показаниях. Вследствие всего этого Орко был обвинен в убийстве; но, на основании Высочайшего повеления 1817 года, коим запрещено подозрение в употреблении евреями христианской крови, вопрос этот устранил.

131) Волынской губернии в Заславском уезде случилось в 1833 году следующее:

Крестьянин графа Грохольского Прокоп Казан явился 20-го марта в экономическое Правление и объявил знаками, что на пути в деревню Волковцы напали на него три жида и отрезали ему язык. Когда рана поджила, то он рассказал следующее:

“Я был настигнут евреями, когда перешел лес, на перекрестке между деревнями Городищем и Серединцами. Поровнявшись со мною, сначала подошел ко мне один жид и, разговаривая, шел рядом; потом присоединился к нам другой, а наконец и третий. Ничего не подозревая, я беспечно отвечал на вопросы их, как вдруг один, отстав немного, схватил меня сзади и повалил; другие бросились и начали давить мне грудь и душить за горло, так сильно, что я пришел в беспамятство и, вероятно, высунул язык. Придя от боли в чувство, я увидел себя поставленным на колени с наклоненною головой; один еврей поддерживал мою голову, а другой подставлял под рот чашку, в которую кровь сильно лилась. В таком положении, беспрестанно подталкивая меня в бока и затылок, вероятно, для усиления кровотечения, держали они меня до тех пор, пока чашка не наполнилась кровью больше, чем до половины. Тогда, взяв миску с кровью и отняв у меня 12 рублей серебром, найденные мною на ярмарке, сели они в свою бричку и уехали. Это случилось около полудня. От истечения крови я опять обмер, а когда пришел в себя, то солнце было уже низко. Евреи уехали в бричке, запруженной тремя гнедыми и одной белой лошадей”.

Заславский городничий собрал немедленно всех тамошних евреев-фурманов, поставил их в два ряда и, призвав Казана, приказал ему узнавать между ними преступников. Казан, три раза прошел по рядам и, не могши еще говорить, показал знаками, что здесь их нет. Проверив наличных евреев по списку, городничий нашел, что в числе их недостает трех, именно: Ицка Малаха, Шая Щопника и Шлема Калия. Их призвали, поставили в ряды и снова позвали отпущенного уже Казана. Едва он подошел, как тотчас же указал на Ицку Малаха, стараясь всячески дать знать, что это тот самый, который отрезал ему язык; в Щопнике узнал он того, который его держал; в Калии нашел сходство с третьим участником преступления, не утверждая, однако же, положительно, что это он. Казан твердо стоял в своем показании, даже после духовного увещания.

Евреи запирались. Малах уверял, что он уже десять дней, как не выезжал из города; Щопник, что он ездил и воротился именно 20-го числа, но с евреем Резником, и на одной лошади; Калий, что также был в это время в городе. Каждый представил свидетелей.

Показание Калия, по-видимому, подтвердилось; слова Щопника отчасти также, но с некоторым разноречием относительно времени; из свидетелей же, представленных Малахом, двое евреев, и в том числе хозяин его Гирштель, вовсе от свидетельства отказались; а подтвердили показание его только один еврей, одна еврейка, дворник и отец его, рядовой инвалидной команды, человек, наказанный за дурное поведение шпицрутеном и переведенный в инвалиды и, сверх того, находившийся караульным при Малахе.

Между тем были спрашиваемы жители селений, соседних с местом, где случилось происшествие. Из них многие показали, что видели в этот день трех евреев (41), но куда они ехали, не заметили, равно не помнят ни масти, ни числа их лошадей; Третьи показали, что действительно проезжали

евреи на подобных лошадях, но не заметили, сколько человек, и куда поехали; один объявил, что он видел именно трех евреев, проезжавших через село Городище на трех гнедых и одной белой лошади; а заславский полицейский чиновник положительно удостоверял, что только еврей Малах выезжал из города на трех гнедых и одной белой лошадей, и что в это время ни брички, ни лошадей таких ни у кого другого из заславских евреев не было. Он не мог только сказать положительно, ездил ли Малах куда-нибудь в самый день происшествия.

Врачебная управа, свидетельствовавшая Казана, нашла, что язык отрезан действительно острым орудием, но чтобы это сделано было насильственно, управа признала невозможным; во-первых, по невозможности трем человекам совершить подобное насилие, а во-вторых, потому, что у Казана ни на теле, ни на платье, кроме нижнего, о которое, по словам его, он вытерся, придя в чувство, крови нигде не оказалось, чего при насилии избежать было бы невозможно.

Новоградволинский магистр решил: евреев оставить в сильном подозрении.

Уголовная палата постановила: оставить их свободными.

Губернатор дал мнение, что он считает еврея Малаха уличенным и полагает сослать его в Сибирь; Шопника оставить в подозрении и перевести на жительство в другой город; Калия подвергнуть полицейскому надзору на месте жительства.

Правительствующий сенат, основываясь: 1) на заключении врачебной управы; 2) на доказательствах евреев о бытности их во время происшествия безвыездно в городе, кроме Шопника, доказавшего, что он ездил с Резником; 3) на общем одобрении поведения евреев; 4) на том, что Казан а) не объявил немедленно о найденных им 12-ти рублях, б) бывал в корчмах и пил, в) обманул брата, скрыв настоящую причину своего ухода из дому, и потому, несмотря на одобрение посторонних, с дурной стороны выказал свое поведение, — постановил: 1) жидов признать к делу неприкосновенными, 2) Казана, за ложный оговор их, *наказать плетью двадцатью ударами* и оставить под надзором полиции, в подозрении, что он сам изуродовал себя из преступных видов.

Здесь невозможно удержаться от некоторых замечаний. И, во-первых, управа или сама, по простоте своей, была обманута, или же, что гораздо вероятнее, обманула других. Свидетельство ее во всяком случае, ложное, неосновательное. Если три человека повалят одного и будут душить его за горло, придавив грудь, до беспамятства, то у него не только рот откроется, но даже и язык высунется, стоит только придавить кадык или гортань. Не менее ясно, отчего у Казана не было крови на одежде: он очнулся от первого обморока, стоя на коленях, с наклоненною вперед, над посудой, головою, и три (42) жида держали его; вскоре он опять обмер и лежал, потеряв много крови, от полудня до вечера. Итак, сначала кровь бежала в подставленную вплоть ко рту чашку, потом, на все время обморока, остановилась, запеклась на языке, и когда он вторично пришел в себя, то уже кровотечения не было, а потому и платье не было окровавлено.

132) В 1840 году, во время Пасхи, католический священник отец Фома, живший в Дамаске, отправился со служителем своим в еврейский квартал, и оба пропали без вести. Обвинения пали на жидов; все христианское население Дамаска поднялось, и негодование воспламенило даже мусульман. Французский консул, вполне убежденный в том, что злодеяние совершено было евреями, разыскивал сам, побуждал всеми средствами турецкое правительство к действию и настаивал на обвинении и казни жидов; австрийский консул, к ведомству коего жида от части принадлежали, противодействовал и отстаивал жидов. Ужасные пытки вынуждали из сих последних сознание во всех подробностях злодеяния; несколько человек даже не могли пережить бесчеловечных мучений, а потому теперь в Европе утверждают, что сознание их было вынужденное и ложное (43). Но сознание это во всех подробностях своих одинаково, в допросах нескольких жидов, а притом останки изрубленного на куски мастера и служителя его найдены в разных местах, по указанию сих жидов, и, между прочим, найдена там же часть шапки или берета погибшего, и все знавшие его признали немедленно его лоскутья. Еврейские посольства с подарками, из Парижа и Лондона в Александрию, прекратили дело, и жида, оставшиеся в живых, были освобождены (44).

133) В текущем 1844 году высшее судилище Порты произнесло решение по обвинению жидов, живущих на острове Мармаре, в мученическом убиении христианского младенца, который найден был истерзанным, как во всех подобных случаях. Жалоба принесена была греческим патриархом, но по настоятельному представлению английского посланника, как именно сказано было в газетах (45), Порты не признала жидов виновными, а приговорила еще патриарха к уплате проторей.

134) В апреле 1843 года, также перед Пасхой, был у нас в России опять замечательный случай в этом роде, хотя не столько злодейский, потому что обошелся без убийства. В Витебской губернии, в городе Луцке два еврея, братья Берко и Шмария Клепачи, схватив пятнадцатилетнюю девушку Щербинскую, сделали ей насильственное кровопускание, собрав кровь в стакан. Несмотря на все улики, Берко и

Шмария от всего отпирались и не могли быть ни уличены, потому что свидетелей не было, ни доведены до сознания. Генерал-губернатор старался собрать по сему поводу секретные сведения на месте и нашел, что хотя сведения сии недостаточны для положительного заключения, но что они подкрепляют издавна существующее поверье о употреблении жидами христианской крови для каких-то изуверных обрядов.

ДЕЛО ВЕЛИЖСКОЕ

Оканчивая сим ряд выбранных из разных книг и дел примеров, служащих доказательством существования между евреями такого обряда, который нередко ведет к убийству христиан, и в особенности младенцев, должно еще принять в рассуждение, что приведенные примеры, хотя их и немало, конечно, составляют небольшую только часть действительно бывших случаев, потому что далеко не все они обнаружались, не все сохранились в письменных памятниках, и, наконец, далеко не все могли быть собраны: все подобные дела, оконченные производством в низших и средних местах, не могли быть включены, потому что об них не имелось здесь сведений; равно и те случаи, по коим вовсе ничего не открыто, а все сведения об них ограничиваются показанием в ведомостях (46) о происшествиях, что там-то ребенок пропал без вести. Но для положительного удостоверения, что обвинение это не есть клевета или вымысел, и что не одна пытка средних веков вымогала из жидов это ужасное сознание, остается разобрать несколько ближе одно из новейших дел этого рода, например, дело Велижское, начавшееся 24-го апреля.

1823 года в велижской городской полиции и конченное 18-го января 1835 года, через двенадцать лет, в общем собрании Государственного Совета. Дело это замечательно большими подробностями своими, многократно возобновленными розысканиями и ясностью всех улик, не исключая даже, и собственного сознания некоторых, хотя и не вполне выговоренного. Но что бы могло заставить евреев сознаться в подобном преступлении, составляющем религиозную, фанатическую тайну, а притом чего бы могли преступники ожидать от этого? Напротив, упорное, наглое, голословное заперательство спасало их всегда почти, и спасло также на этот раз.

22-го апреля 1823 года солдатский сын Федор Емельянов, 3,5 годов, пропал в Велиже без вести. Это было в самый день Светлого Христова Воскресения. Труп мальчика найден на Фоминой неделе за городом, в лесу, в таком виде, что уже никто, из жителей не мог сомневаться в истине возникшего подозрения и распространившихся, через какую-то ворожею, глухих слухов, а именно, что мальчик был зверски замучен жидами. По всему телу были накожные ссадины, будто кожу сильно чем-нибудь терли; ногти были острижены вплоть до тела; по всему телу множество небольших ран, будто проткнутых гвоздем; синие, затекшие кровью ноги доказывали, что под коленами положена была крепкая повязка; нос и губы приплюснуты, также от бывшей повязки, которая оставила даже багровый знак на затылке, от узла; а, наконец, над мальчиком произведено было еврейское обрезание. Все это доказывало неоспоримо, как отозвался под присягою врач, что ребенок замучен с умыслом, рассудительно; из состояния же внутренностей видно было, что он содержался несколько дней без пищи. Злодеяние совершенно было сверх того на обнаженном ребенке, а тело впоследствии обмыто и одето; ибо на белье и платье не было никакого, признака крови. По следам и колеям около того места, где труп лежал, было видно, что парная повозка или бричка подъезжала с дороги к этому месту, а труп отнесен оттуда к болоту пешком. Подозрение объявлено было родителями и другими людьми на жидов, и другой причины мученической смерти невинного младенца никто не мог придумать.

Между тем обнаружилось, что солдатка Марья Терентьева еще прежде, чем труп был найден, ворожила и объявила матери, будто сын ее еще жив, сидит в погребе у евреев Берлиных и ночью будет замучен; то же предсказала двенадцатилетняя девочка Анна Еремеева, больная, которая обмирала и славилась в Народе тем, что предугадывает. У Берлиных сделан был в доме обыск, но ничего подозрительного не найдено; хозяин объявил, что погреба у него в доме нет; но их нашлось два, хотя находка эта и ничему не послужила; осмотр же делали один квартальный надзиратель с ратманом, во-первых, евреем, а, во-вторых, близким родственником Берлиных, у которого в доме мальчик был скрыт на время обыска.

Шмерка Берлин был купец, человек весьма зажиточный, почетный между евреями и жил хорошо; теща его Мирка также слыла богатою, и дом этот составлял большое, зажиточное семейство. Берлины владели даже населенным имением *Красным* и крепостными людьми, купленными на имя уездного казначея Сушки. Ближайшие родственники Берлиных были Аронсоновы и Цетлины, а затем еще множество других семей в Велиже, Витебске и других соседних городах.

Семь женщин показали под присягой, что рано утром в тот же день, когда найден труп, видели парную жидовскую бричку, проскакавшую во всю прыть по той дороге, где тело найдено, и возвратившуюся вскоре опять в город; а одна свидетельница утверждала положительно, что в бричке сидел Иосель,

приказчик Берлина, с другим жидом. Берлины, приказчик их и кучер утверждали, что никуда не ездил и и что у них даже кованной брички нет; а обнаружилось, что Иосель точно приезжал в это время сам к Берлину в кованной бричке, которая и стояла у последнего на дворе. Но два ратмана, евреи, и в том числе сам Цетлин, стараясь отвести подозрение, с огромною толпою жидов ворвались на двор, где пристал приезжий ксендз, стали обмерять ширину хода колес и утверждали, что он переехал мальчика, между тем как Орлик и другие жида распространяли слух, что ребенка точно переехали, или застрелили невзначай из ружья дробью, отчего и раночки по всему телу, а потом бросили, чтобы, навести подозрение на жидов.

Следователи ничего более не открыли, не обратили внимания на обстоятельство чрезвычайно важное; на предварительное объявление двух женщин, Терентьевой и Еремеевой, что мальчик в руках у евреев и даже именно у Берлиных и что он вскоре погибнет. Одна из них, Терентьева, была в самом, Велиже, другая, Еремеева, в Сентюрах, в двенадцати верстах от города. Это таинственное предсказание неминуемо должно было дать ключ для всех розысканий, потому что оно явно и несомненно доказывало прикосновенность поименованных двух лиц к самому происшествию. Дело передано было в велижский поветовый суд, который 1824 года июня 16 заключил: “по недостатку улик евреев освободить от обвинения в убийстве мальчика; но Ханну Цетлин и Иоселя оставить в подозрении, а Шмерку Берлина с товарищами обвинить в распространении ложных слухов о смерти мальчика, *который, вероятно, погублен евреями!*”

Главный суд 22-го ноября согласился с решением этим, присовокупив, однако же, что как ребенок *явно умерщвлен умышленно*, то стараться раскрыть виновных. Губернатор утвердил решение, и дело закончено.

Но в 1825 году, во время проезда блаженной памяти Государя Императора Александра 1-го ([47](#)) через Велиж, солдатка Терентьева подала его величеству просьбу, в коей называла мальчика Федора Емельянова сыном своим и жаловалась, что он погублен жидами. По сему поводу дело было возобновлено, следствие поручено сначала особому чиновнику, под наблюдением генерал-губернатора; потом прислан по высочайшему повелению флигель-адъютант, после генерал-майор Шуурин, составлена целая следственная комиссия, под конец прислан еще от сената обер-прокурор и поведено внести дело прямо в Правительствующий Сенат. Будучи уже само по себе обширно и чрезвычайно запутано, оно сделалось еще более сложным, когда раскрылись при сем случае шесть или семь других подобных дел: о похищении антиминса; о поругании жидами над ним и над Св. Тайнами; о обращении трех христиан в еврейскую веру и о умерщвлении еще нескольких младенцев. Покрывало было сдернуто с целого ряда ужаснейших преступлений, исчадий неслыханного изуверства и последствий губительной безнаказанности. Но здесь предполагается проследить только одно из них, главное, о солдатском сыне Емельянове.

У Берлиных была работница *Прасковья Пиленкова* (впоследствии по мужу Козловская); у Цетлиных *Авдотья Максимова*, у Аронсоновых *Марья Ковалева*, все три христианки, но обжившиеся с жидами и привыкшие к быту их, обычаям и обрядам. Козловская была еще молода во время происшествия и вскоре потом вышла замуж за шляхтича; Ковалева была с детства безответная крепостная Аронсоновых, которая, как показала впоследствии, не смела даже объявить о весьма основательном подозрении своем, что господа ее умертвили родного ее брата. Максимова была решительная и развратная баба и верный слуга жидам за деньги и за вино. Марья Терентьева, крестьянка или солдатка, распутного поведения, также служила в Велиже, тут и там, у жидов, а частью только прислуживала по временам и, готовая на все, как Максимова, за деньги и за водку, издавна была главной их помощницей при всех мерзких и злодейских делах.

Терентьева при новом следствии сначала показала, что видела, как Ханна Цетлин в Светлое Христово Воскресение привела ребенка с улицы домой, что пошла следом за Ханной, которая напоила ее вином; что вечером велели ей отнести ребенка вместе с Максимовой к Берлиным, где Мирка посадила его в погреб; в четверг на Святой она видела мальчика уже мертвым, а кровь его стояла в новом корыте; жида обмыли и одели труп, а Ханна поручила ей, Терентьевой, в Фомин понедельник отнести мальчика, вместе с Максимовой, ночью в лес, что и было ими исполнено. Ее передопрашивали много раз в продолжение нескольких месяцев, уговаривали, увещевали, и она сперва призналась, что сама была у Берлиных, вместе с Максимовой и Козловской, когда истязали и замучили ребенка; потом, что сама привела его, по неотступной просьбе жидов, к Цетлиным; что после перенесли его к Берлиным, и там в понедельник замучили; его раздели, посадили в бочку, катали, положили на стол, остригли ногти, сделали обрезание, перевязали ремнями ноги под коленями; положили в корытце ([48](#)); все жида кололи мальчика гвоздем, выпустили кровь и передали его Терентьевой и Максимовой, чтобы закинуть его в лес; но, как страдалец дышал еще, то ему завязали рот и нос, а когда вынесли, то, сняв платок, увидели, что ребенок уже умер и положили его там, где он найден.

Потом Терентьева, как прошло уже три года со времени происшествия, и притом она часто пьянствовала, сказала, что ошиблась в некоторых подробностях, а теперь припомнила, что ногти остриг ребенку не еврей Поселенный, который сделал обрезание (49), а Шифра Берлин; что она сама вынимала мальчика из бочки и понесла его в еврейскую школу; что ее же заставили перевязать ему ноги и уколоть его гвоздем; что, наконец, ее и Максимова одели в жидовское платье и велели вынести труп в болото. Затем она и на другой день была опять с жидами в школе, разбалтывала и разливала, по их приказанию, кровь мученика, а в остатке намочила кусок холста, который еврей Орлик изрезал в лоскутки и роздал всем по кусочку. Бочонок с кровью отнесла она в угловой дом с зеленой крышей. Опять в другой раз она показала, что ребенка принесла не к Мирке, а в комнату дочери ее, Славки, в том же доме; что его держали не в погребке, а в каморке; что все жиды долго катали бочку, переменяясь попарно; что она, Терентьева, возила бочонок с засохшею кровью, по настоянию жидов, в Витебск. С нею ехали жиды, коих она назвала поименно и явно было, что они, следуя общему правилу своему во всех подобных случаях, употребили и на сей раз христианку и притом пьяную, распутную бабу, как подставную преступницу, навязав ей на руки бочонок с кровью, чтобы в случае беды отречься от него и оставить одну ее виноватою. В Витебске остановились у жидов таких-то лет и примет; они распустили кровь в воде и намочили холст, остальную же разлили в бутылки, одарили и напоили Терентьеву и отправили с нею одну бутылку с кровью в местечко Лезну. Тут также намочили холст, разрезали и разделили его. Терентьева добавила, что жиды лестью и угрозами, что будет сослана в Сибирь за убийство мальчика, заставили ее принять еврейскую веру и описала весь обряд обращения в подробности; ее, между прочим, поставили на раскаленную сковороду, заставив клясться, зажимали рот, чтобы не кричала и держали; потом перевязали обожженные подошвы мазью.

Солдатка *Авдотья Максимова*, работница Цетлиных, в течение допроса, который продолжался почти целый год, в разное время показала: что видела ребенка в понедельник на Святой неделе у хозяйки своей в углу за кроватью; в среду видела его в каморке, в сундуке, из коего все съестное было для сего выставлено на пол; далее созналась, что Ханна Цетлина привела мальчика на двор, а она, Максимова, сама принесла его в комнату, потом Терентьева отнесла его к Мирке Берлин; таким образом переносили его, скрывая, несколько раз взад и вперед. В понедельник на Фоминой увидела она его в погребке Мирки мертвым; ночью Иосель с другим жидом отвезли его в бричке к Цетлиным; Максимовой велели обмыть его, одеть и вместе с жидами отвезти за город. На очной ставке с Терентьевой Максимова созналась однако же во всем и подтвердила все подробности ее показаний. Явно было, что обе бабы, обнаруживая преступление и главных его виновников, хотели сначала сами остаться в стороне; вот из чего вышло разноречие их и первоначальные неполные показания. Она показала, что когда ратман Цетлин, муж Ханны, обыскивал с квартальным дом Берлина, то жиды смеялись, потому что ребенок находился в это время в доме самого ратмана Цетлина; что и ее, Максимова, заставили принять жидовскую веру, напоив пьяною и проч. Она во всей подробности рассказала весь обряд этот в школе, где наименована Рисой, и прибавила, что со времени убийства мальчика имела полную власть в доме Цетлиных, которые боялись ее, угождали ей, поили и кормили хорошо и со слезами упрашивали, если она страдала, что хочет отойти на другое место. Это обстоятельство подтвердила и дочь Максимовой, Меланья, сказав, что с 1823 г. не хозяйка, а мать Меланьи была старшей в доме. Это же подтвердили под присягой сторонние свидетели, слышавшие не раз, как Максимова, пьяная, хвалилась, что "Цетлина не смеет сослать ее со двора, хоть бы хотела, потому что она, Максимова, знает такое дело, которое Ханну погубит". Уличенная в этом, Ханна созналась, что Максимова точно говорила подобные речи, "хотя и не понимает, к чему она это говорила".

Прасковья Козловская (Пиленкова), работница Берлиных, показала: ночью на первый день Пасхи было тайное собрание жидов у Славки Берлин (дочери Мирки); в среду видела она в сенях какого-то мальчика, который плакал. На очной ставке с первыми созналась и показала, что мальчика носили взад и вперед к Берлиным и Цетлиным; что Терентьева и Максимова были при ночных сборищах, но ее, Козловской, не было; ее послали в понедельник вечером в питейную контору; подойдя к ставню, снаружи она видела в щель бочку, мальчика и жидов, видела, кто раздевал, укладывал его, остригал ногти и проч. Затем мальчика понесли в школу, а она спряталась, пошла следом и в окно школы видела, как его кололи, оборачивали в корытце, вынули, обмыли, одели; Терентьева и Максимова, одетые в жидовское платье, взяли мальчика и понесли из школы, а она, Козловская, убежала. Затем она, созналась, что боялась говорить правду и хотела устранить себя, но что она точно, по приказанию Мирки, сама участвовала в этом злодеянии и была в той же комнате, а после в школе. Она подавала воду, катала, в свою очередь, бочку, переделась с Терентьевой и Максимовой; первая завязала мальчику рот, когда понесли его в школу, а ей Иосель дал нести бутылку и сам нес две; Терентьеву первую заставили уколоть мальчика в висок, потом передали гвоздь Максимовой, за нею ей, Козловской, которая уколола ребенка в плечо и передала гвоздь Иоселю; этот, передав гвоздь далее, повел ее к шкапику, где хранятся заповеди, заставил клясться в верности, обратил в жидовскую веру и назвал ее *Лыя*. Когда же обряд этот был кончен и Козловская воротилась к столу, то

мальчик был уже не живой. Намочив холст в крови, Терентьева и Максимова обмыли труп; одели, Иосель привел всех трех баб по-еврейски к присяге, что будут хранить тайну; первые две понесли труп, а она бутылку с кровью к Славке, за прочими жидами. Когда те воротились, сказав, что бросили труп в болото, то Славка дала им денег, и все жида остерегали их, чтобы они, поссорившись пьяные, не проговорились как-нибудь; если же это случится, то *сами останутся виновными и их высекут кнутом, а жида все отпустят и будут правы*.

Наконец, после продолжительного увещевания и многих очных ставок, по разноречию, коему, три года спустя после происшествия в пьяных бабах нельзя и удивляться, Максимова сказала, что давно уже покаялась на духу названным ею трем униатским священникам в соучастии в этом преступлении; а затем все три — Терентьева, Максимова и Козловская — сделали *совершенно единогласное показание*, удостоверенное во всех подробностях взаимным подтверждением доказиц. Они с полной откровенностью рассказали все, напоминая друг другу разные обстоятельства и исправляя то, что, по забывчивости или по другим причинам, было сначала показано ими иначе. Вот общее единогласное и подробное их показание:

“1823 года, в Великий пост, за неделю до еврейского Пейсаха, шинкарка Ханна Цетлин напоила Терентьеву, дала ей денег и просила достать христианского мальчика. На первый день праздника Терентьева увидела мальчика Емельянова у моста (50) и сказала об этом Ханне. Эта, напоив ее, дала ей денег и кусок сахару, чтобы заманить ребенка, и Максимова была в это время тут же, видела и слышала это. Терентьева привела мальчика, Ханна встретила их на улице перед домом (51), ввела на двор и передала Максимовой, которая внесла его в комнаты. Тут же были: муж Ханны Евзик, дочь Итка и работница Риса. Терентьеву и Максимову напоили, дали им денег, и они уснули. Вечером велели Терентьевой отнести ребенка к Мирке Берлин; она принесла его в комнату дочери ее Славки, где было много жидов; мальчика унесли в каморку и обеих баб напоили вином и дали денег. Во всю неделю Терентьева видела ребенка у Берлиных, кроме среды, когда обращали ее в жидовскую веру и обожгли ноги. Максимова носила его обратно к Цетлиным в понедельник на Святой, что видела и Козловская, а во вторник рано опять назад. Она заходила с ребенком на кухню, спросить, встали ль Берлины, и там видела ее и ребенка Козловская, кухарка Бася и девка Генемихля — последние обе еврейки. Славка отперла дверь на стук Максимовой, взяла ребенка и велела приходить за ним вечером, когда опять понесли его к Цетлиным, где он остался в среду; Ханна приказала Максимовой выставить из сундука в светелке съестное, туда положили ребенка сонного и накрыли простыней (52). Ханна велела неплотно закрывать крышку, а запереть ее на наметку, чтобы мальчик не задохся, и сказала, что в полдень, муж ее, ратман, с полицией будет обыскивать дом у Берлиных, а вечером говорила, смеясь, что там ничего не нашли. В четверг Максимова отнесла мальчика опять к Мирке, и Козловская видела его там и спросила у кухарки Баси: чей он? Максимова не видала, чтобы мальчика последние дни кормили (53). В понедельник на Фоминой, вечером Ханна напоила обеих баб вином, отвела их к Берлиным, где у Славки было в сборе много жидов. Мирка также напоила их обеих и просила вперед, чтобы они ночью утопили труп мальчика в реке. Они принесли мальчика из каморки, раздели по приказанию жидов и положили на стол; еврей Поселенный сделал обрезание (54), а Шифра Берлин остригла ему ногти вплоть к мясу. В это время Козловская возвратилась из питейной конторы; Славка вышла было к ней в сени, но, заметив, что она уже видела кое-что, позвала ее в комнату, где жида стращали ее, что если она где-нибудь проговорится, то с нею сделают то же, что с мальчиком; она поклялась, что будет молчать. Затем продолжали: Терентьева держала ребенка над тазом, Максимова обмывала его; положили головой вперед в бочку, в которой половина дна вынималась; Иосель заложил опять дно, стал катать бочку по полу с Терентьевой, потом все делали то же, сменяясь по двое, часа два; ребенка вынули красного, как обожженного (55); Терентьева завернула его и положила на стол; все три бабы оделись в жидовское платье, понесли ребенка, завязав ему рот платком, в школу, а жида пошли за ними. В школе застали они толпу жидов, положили мальчика на стол в корыто, развязав ему рот; тут Орлик Девирц распорядился; Поселенный подал ремни, Терентьева связала мальчику ноги, под коленями, но слабо, и Поселенный сам перетянул их потуже. Терентьевой велели ударить мальчика слегка по щекам, а за нею все прочие сделали то же; подали большой, острый и светлый гвоздь и велели ей же уколоть ребенка в висок и в бок; потом Максимова, Козловская, Иосель и один за другим все жида и жидовки делали то же (56). Между тем Козловскую повели к заповедям в шкаф и обратили в жидовскую веру, назвав Лыей. Орлик поворачивал в корытце младенца, который сперва кричал, а потом смолк (57), смотрел на всех и тяжело вздыхал. Он вскоре истек кровью и испустил дух. Терентьева вынула его, развязала ему ноги, держала над другим корытцем, стоявшим на полу; Козловская подавала бутылки с водой, Иосель обливал мальчика, а Максимова обмывала. Когда крови ничего не было на теле, а только остались видны раночки, величиною с горошину (58), то велели одеть, и обувь труп и положить на стол. Иосель повел всех трех баб к шкапику и сказал: “как все они приняли еврейскую веру, то должны по ней клясться”, и читал им большую жидовскую книгу.

Затем жи́ды ругались над похищенной Терентьевой из Ильинской церкви антими́ном, плевали на него, топтали ногами и проч (**59**).

Между тем уже начинало светать; Терентьева с Максимовой боялись нести мальчика на реку, где иногда рано бывает народ, и потому понесли его в лес, на болото, у Гуторова Крыжа, где он и найден. По уходу их Иосель налил крови в одну бутылку и велел Козловской отнести к Славке; остальная кровь была оставлена в корытце, в школе; возвращаясь из леса, Терентьева и Максимова встретили самого Иоселя в парной бричке (**60**); они поехали наблюдать за бабами, и Иосель сошел с брички и посмотрел, где был ими труп положен; потом жи́ды опять ускакали в город (**61**). Мирка напоила обеих баб вином, Славка дала денег и уговаривала, чтобы пьяные, поссорясь, не проговорились: *евреи все отпрутсся*, сказала она, *а вы одни будете виноваты*. Обе сняли с себя жидовское платье и пошли домой.

Вечером Фратка, жена цирюльника Орлика, напоила Терентьеву (**62**), одела ее в жидовское платье и повела в школу. Все те же жи́ды и жидовки были там, а притом и Козловская. Корытце с кровью стояло еще на столе, а подле две пустые бутылки, в коих накануне приносили воду для обмывки, отправив уже третью бутылку к Славке. Тут же лежал сверток холста. Пришла Ханна с Максимовой, которая принесла еще бутылку, чарку и воронку. Терентьева размешала кровь лопаточкой, а Иосель разлил ее чаркой, через воронку в бутылки и в небольшой вполоть сбитый обручами, бочоночек, который был подан Орликом. В остатке крови намочили аршина два холста, велели Терентьевой выкрутить его, расправить и проветрить, Иосель искрошил его на маленькие лоскутья; Орлик макал гвоздь в остаток крови, капал на каждый лоскуток и разводил по нем разводы, и каждому дали по лоскутку, равно и трем русским бабам. Все разошлись: Максимова понесла за Цетлиными одну бутылку; Козловская за Берлиными две, а Терентьева за Орликом бочонок. Максимова отдала лоскуток свой впоследствии Ханне; Козловская потеряла его, а Терентьева сказала, что он должен быть у нее в китайчатом кармане, который передан ею на сохранение, с другими вещами, солдатке Ивановой, когда взята была под стражу. Следователи немедленно отправились туда и нашли в указанном месте треугольный лоскуток холста, красноватый и признанный всеми тремя раскаявшимися бабами за тот самый, о коем они говорили.

В доме Берлина, Цетлина и в школе все три женщины порознь показали вполне согласно со словами их, где, как и что делалось; подробности эти и местность, где совершенно было ужасное преступление, смущали их сильно, и они едва могли говорить.

Фратка сказала Терентьевой, что кровавым лоскутком протирают глаза новорожденным, а кровь кладут в мацу (в опресноки). Это вполне согласно со многими помещенными выше сведениями и с показаниями по случаю подобных происшествий. На другой год после того сама Терентьева пекла с Фраткою и с другими жидовками мацу с этой кровью. Максимова подробно описывает, как делала то же у Ханны, размочив засохшую в бутылке кровь и смешав с шафранным настоем. Ханна положила также немного крови этой в мед, который пили. Козловская говорит, что то же делали у Берлиных: вытряхнули из бутылки сухую кровь, растерли и высыпали в шафранный настой, который вылили в тесто.

Генерал-майор Шкурин взял с собою Терентьеву и Максимова и поехал в Витебск и в Лезну, куда они возили кровь. Максимова указала в Витебске дом, куда привезла кровь, с Мовшей Беленицким, и узнала хозяина; Терентьева не могла на первый день опознать, просила дать ей время, а на другой день объявила, что далеко искать нечего. Комиссия остановилась в том самом доме и даже в той самой комнате, куда она в 1823 году привозила кровь. Она доказала это тем, что указала скрытый в стене камин, где в то время сожгли обручи и клепки бочонка; рассказала все расположение дома, хотя провела ночь под караулом и никуда не выходила, сказала, что тут должна быть еще другая дверь, ведущая прямо в кухню, и это оказалось справедливым. Она узнала всех хозяев, коих описала наперед при допросе еще в Велиже: Мовшу, его жену, Зелика, мать его Ривку, Арона, жену его Рису; Ривка в то время сама приняла у нее бочонок с кровью. Прочих домов, где угощали ее, она не могла припомнить. Могилевской губернии в местечке Лезне Терентьева не могла сделать положительных указаний, так как прошло уже пять лет и она более в Лезне не бывала.

Меланья Желнова, дочь Максимовой, показала, что, придя к матери на Святой, была послана еврейкой Рисой, служившей в доме вместе с Максимовой, — в особую светелку или каморку, где стоял сундук со съестным; заглянув в него мельком, она увидела в нем спящего мальчика в белой рубашке, или накрытого чем-то белым. Она же показала, что видела мальчика в спальне Цетлиной.

Мещанка Дарья Косачевская показала, что, ходив в первый день Святой за пивом, видела, как Ханна Цетлин вела за руку к своему дому трехлетнего мальчика в такой точно одежде, в какой был пропавший сын Емельянова. При очной ставке с Цетлиной Дарья подняла обе руки, обратясь к образу, и сказала: “помилуй, Ханна, ты мне никогда зла не сделала, сердиться мне на тебя не за что;

убей меня Бог, если я сказала хоть одно слово неправды!"

Работница Марья Ковалева, на которую сослались Терентьева и Максимова по другому делу, где замешаны были те же самые жидаы, долго запиралась, наконец созналась во всем, рассказав все подробности, согласно с первыми; но потом, испугавшись этого, протосковав и проплакав несколько времени и сказав, что сама себя погубила, что ей нигде житья не будет, удавилась.

Затем обнаружено, что у Берлиных во время происшествия горел ночью огонь, что у них и у соседа их Нахимовского были в те ночи на дворе караульные жидаы, тогда как ни того, ни другого прежде и после происшествия не бывало. Берлин не мог дать никакого отчета в том, для чего у него были ночные сторожа, сказав только, наконец, что это было сделано из предосторожности, чтобы не вымазали у него ворота кровью, или не сделали другой пакости. Сторожа, будучи отысканы и уличены, после запирательства, уверяли, что были поставлены так, ни для чего, соглашаясь, что в то время не было в Велиже ни воровства, ни пожаров.

Ратманы Цетлин и Олейник, как упомянуто выше, ворвались насильно с толпою жидаов на чужой двор и обмеряли ход брички ксендза, распространяя слух, что он переехал дорогой ребенка. Устраненный по сему поводу от дела, Цетлин всеми силами старался попасть опять депутатом в комиссию и требовал этого даже письменно. Берлин уверял, что мальчик был отдан на излечение лекарю Левину, который свидетельствовал труп, и что лекарь, уморив его, вывез в болото и бросил. Цирульник Орлик распускал слух, что ребенок убит нечаянно из ружья дробью, отчего и раночки по всему телу, а после закинут. Орлик забыл только объяснить (63), как и для чего ребенок был для этого предварительно раздет, потом обмыт и опять одет; потому что платье было цело и даже на белье не было ни капли крови. Относительно обрезания жидаы говорили, что это было сделано с намерением, дабы навести подозрение на жидаов.

При повальном обыске двенадцать человек христиане ничего дурного о Берлиных не показали, но объявили под присягой уверенность свою, что мальчик погублен жидаами и что по всеобщим слухам в этом участвовали Берлины и Цетлины, кои теперь чрезвычайно заботятся и хлопочут по сему делу.

Все три бабы, оговорив всего до пятидесяти жидаов, как участников этого злодейства, узнавали их на очных ставках в лицо; они оговорили также какого-то Абрама, и Абрам Вазменский был взят по этому подозрению: но все три женщины, каждая порознь, объявили, что это не тот и что они этого не знают.

Униатский священник Мартусевич был увещателем трех доказниц, и жидаы старались подкупить его, подослав к нему жидаа портного с тем, чтобы Мартусевич склонил женщин отречься от своих показаний; это доказано положительно показанием самого священника, жены его и еще третьего свидетеля. Терентьева и Максимова, черствые и развратные бабы, будучи приведены в школу и в дом Цетлиных, на место преступления, и обязанные рассказывать во всей подробности, где, что и как происходило, оглядывались со страхом, дрожали и плакали. Они же враждовали между собою, бранились в присутствии комиссии, укоряли друг друга, припоминали старое, и потому ни в каком случае не могли выдумать все, что показали, по взаимному согласию.

Выше было упомянуто, что все дело это началось вследствие ворожбы Терентьевой, по просьбе матери младенца, и вследствие предсказания девочки Еремеевой. Первое не удивительно, потому что Терентьева хорошо знала, где ребенок, но второе требует объяснения.

Анна Еремеева ходила по миру, была сирота, подверженная каким-то болезненным припадкам, обмерла, чуть не была похоронена, пришла опять в себя и, рассказав какой-то чудный сон или видение, прославилась этим и предсказывала лежковерным за насущный хлеб. Она при допросе объяснила загадку и явилась, вместо предвещательницы, *свидетельницею*. Зашедши в Великий пост в сени Берлиных просить милостыню, она услышала, что Терентьева, смеючись, громко говорила: "как я дала вам клятву служить верно, то и уверяю, что в первый день праздника достану". Зная с малолетства, что жидаы мучают и убивают детей под Пасху, Еремеева тотчас поняла разговор этот, испугалась, тем более, что в то же время три жидаа вышли в сени, взглянули на нее и друг на друга и стали ее допрашивать, кто она. Во весь день она все думала о том, что слышала, и вечером опять подкралась к дому Берлиных и притаилась в сенях у дверей; евреев, по-видимому, на этой половине не было, а Терентьева разговаривала с Максимовой; последняя сказала: "наши жидаы хотели было заманить девочку, которая утром приходила, но я им отсоветовала, опасно". Первая отвечала: "я и сама видела, что они на нее острили зубы, — но точно опасно. Я обещала достать, так уж достану из солдатской слободы; пусть обождут; надо делать с толком, чтобы концы схоронить, как мы с тобой, Авдотьюшка, и прежде дельвали" (64). Еремеева испугалась, потихоньку ушла, хотела бродить на другой день близ дома, чтобы подсматривать, но заболела, едва дотащилась до деревни Сентюры, где мещанин Пестун, человек весьма набожный, призрел ее и взял в дом. Она все еще боялась жидаов и опасалась сказать, что видела и слышала, а потому когда впоследствии действительно ребенок пропал в Велиже и мать его пришла к ней за предсказаниями, — то она, Еремеева, сказала ей, что

видела сон, в котором явился ей архангел Михаил; мальчик сидел в цветах, на него шипела змея, — то есть Терентьева, поясняет Еремеева, — архангел же сказал ей, что младенцу суждено быть страдальцем от жидов за христианство; далее она описала, по приметам, дом Берлиных и прибавила, что если не успеют спасти мальчика, то он погибнет. Еремеева не объясняет, почему она сказала матери, что она заходила в тот дом, где сын ее содержится; но можно полагать, что огорченная мать сама проговорила и забыла об этом, а Еремеева сим воспользовалась.

Вот в чем состояли обвинения жидов; остается посмотреть, каковы были их оправдания.

Общее во всех ответах жидов — это было наглое и голословное запирательство во всем почти, о чем их спрашивали, почему большая часть из них были уличены в ложных отзывах и показаниях. Многие из них уверяли, что вовсе не знают Терентьевой и положительно уличены во лжи; Ханна Цетлин упорно утверждала, что была в то время больна и не выходила, но уличена в противном. Общая и явным образом условная отговорка жидов была: “Коли доказчицы все это сами на себя принимают, так нечего и разыскивать, а, стало быть, они и делали это и виноваты”. Самое происшествие известно было во всей губернии, занимало всех, а некоторые жида уверяли, что даже вовсе об нем не слыхали. Весь город ходил смотреть из сострадания тело мученика, но ни один жид не приходил за этим, тогда как народ этот, по крайнему любопытству своему, сходится толпою глазеть на всякий, самый простой случай и об нем толкует.

Посудимые показали, что ни к какой секте не принадлежат, тогда как все велижские евреи делились на *миснагидов* и на *хасидов*, а подсудимые все принадлежали к сим последним. Это тем замечательнее, что обращенный еврей Неофит, о коем говорено в начале сей записки, объясняет в книге своей именно, что зверский (65) обычай, о коем здесь идет речь, принадлежит собственно одним *хасидам*.

Вообще жида ничем не могли опровергнуть обвинения, как только голословным запирательством, упорным, злобным молчанием, криком, неистовою бранью, или же, приходя в себя, рассуждениями, что этого быть не могло; на что жидам кровь? Им крови не нужно; мучить мальчика не нужно; этому даже верить запрещено повелениями разных королей, а также государя императора Александра I, и именно от 6 марта 1817 года. Комиссия постоянно при каждом допросе записывала в журналах, что допрашиваемый показал крайнее смущение, страх, дрожал, вздыхал, путался и заговаривался, отменял показания, не хотел их подписывать, уверял, что болен и не помнит сам, что говорит; многие выходили из себя и не только, после самой низкой брани, бросались в ярости на доказчиц, то кричали на членов, бранили их скверными словами, бросались на пол, кричали караул, тогда как их никто не трогал пальцем и проч. Это ли есть поведение невинных, оговариваемых в таком ужасном злодеянии? Иные прикидывались сумасшедшими, другие по несколько раз пытались бежать из-под караула, а некоторые бежали и не отысканы.

Между содержащимися и свободными жидами перехвачена переписка на лоскутках, лучинах, на посуде, в которой есть носили, и проч. Несмотря на темноту смысла записок этих и на беспрестанно встречающееся слово *ведаль*, то есть смекай, догадывайся, — ясно и неоспоримо видно, что между жидами была стычка, что они условливались, как и что отвечать и уведомляли об этом друг друга. Так, Итка Цетлин в нескольких записках писала: “Кого еще взяли?.. Еще многие будут задержаны. Худо будет, но можно жертвовать собою для прославления Божьего имени. Сделайте то, что знаете, ибо терять нечего. Очень худо; три бабы говорили до того, что у меня потемнело в глазах; сначала я держалась твердо, покуда не свалилась с ног. Коротко сказать, очень худо, старайтесь сделать это, для прославления Божьего имени и пожертвуйте собою; терять нечего. На нас на всех надежды мало, всем очень худо будет”. Хаим Хрипун писал: “Если вы решите, чтобы жене моей не бежать, то, ради Бога, увещайте ее, чтобы она знала, как ей говорить, если будет взята. Уведомьте меня, хорошо ли я говорил при допросе. Дайте знать пальцами, сколько человек еще взято. Старайтесь все за нас, весь Израиль; не думай никто: если меня не трогают, так мне и нужды нет! — Мы содержимся, Боже сохрани, ради смертного приговора! На допросе я сказал, что не знаю и не слыхал, нашли ли мальчика живым, или мертвым. Бегите всюду, где рассеян Израиль, взывайте громко: Горе, горе! чтобы старались свидетельствовать за нас; у нас недостает более сил; напугайте доказчиц через сторожей, скажите им, что есть повеление государя такое: если они первые отступятся от слов своих, то будут прощены; а если нет, то будут наказаны” — и проч. Неужели подобная переписка может сколько-нибудь расположить в пользу обвиняемых, а напротив того, не избличает их в преступлении? Наконец некоторые из подсудимых, упав духом и не видя возможности запираться более, при стольких явных уликах, сознались, но опять отреклись, таковы Фейга Вульфсон, Нота Прудков, Зелик Брусованский, Фратка Девирц, Ицка Нахимовский; а между тем все общество жидов, оставшихся на свободе, старалось всеми возможными происками замедлять и путать дело; они подавали просьбы за подсудимых, требовали настоятельно допуска к ним, жаловались за них на пристрастие, объявляли их то больными, то помешанными, требовали устранения следователей и назначения новых и проч. Вся надежда жидов, которые несколько раз проговаривались об этом даже

в комиссии, состояла в том, что дело не может быть здесь решено окончательно и что там, куда оно пойдет, они дадут ответ и оправдаются, а доказчицы будут одни виноваты (66). Рассмотрим, для примера, некоторые ответы жидов (67)

Шмерка Берлин дал хитрый, обдуманный ответ, доказывая, что все это несбыточно, невозможно, что таким сказкам и бредням давно уже запрещено верить. У него найден полный запас бумаг, относящихся до подобных случаев, копии с указов, переписка, где он требует сведений, чем кончилось подобное дело в Могилеве, и проч. Все это доказывает, что он, будучи задержан внезапно, приготовился, однако же, к тому и обдумывал свою защиту. Полагал, что мальчика переехали и искололи по злобе на евреев (68). Но почему же белье и платье не исколоты, и если все это ложь, то почему же исколотый труп будет указывать именно на евреев, как на виновных? Уверяя, что Терентьевой не знает, кричал ей навстречу, лишь только она вошла: “это первая зараза: она, верно, станет говорить то же!”

Брат его *Носон Берлин* мышался, путался, не отвечал из упрямства по часу и более на вопросы, не хотел подписывать своих показаний без всякой причины; на очных ставках дрожал от злости и поносил всячески доказчиц. Он был так груб и нагл, что комиссия не могла с ним справиться. Неоднократно изобличен в явной лжи. После долгих убеждений, что он обязан подписать свои показания, подписал наконец, *что не утверждает их* — хотя в показаниях сих ничего не заключалось, как ответ его, что он *ни о чем не знает и не ведает*.

Гирш Берлин ломал отчаянно руки, не знал, что отвечать на улики, кричал на Терентьеву: “врешь, я тебя никогда не знал”, — и, забывшись, прибавил тут же: “ты была нищая, ходила по миру”.

Мейер Берлин неистово бросился на Терентьеву в присутствии комиссии; когда же его остановили, а Терентьева стала его уличать всеми подробностями происшествия, то он отчаянно ломал руки, молчал, дико оглядывался, вздыхал тяжело и утверждал, что бабы этой не знает.

Ривка Берлин (Сундулиха) до того нагло и голословно отпиралась, что сама себе беспрерывно противоречила и должна была сознаваться во лжи. Она утверждала, что еврейка Лыя никогда у неё не служила, что Терентьевой не знает; Лыя же сама уличала ее в том, что служила у неё несколько лет; а о Терентьевой Ривка, забывшись, сказала после, что она знала ее как негодную пьяницу давно, еще когда она жила у капитана Польского.

Славка Берлин, вошед в присутствие, стала сама с удивлением рассказывать, что встретила сейчас в передней какую-то бабу (Терентьеву), которая поклонилась ей и назвала ее по имени, тогда как она, Славка, вовсе ее не знает. Путала, говорила, опять отпиралась; она была в таком замешательстве, что, сказав слово, вслед затем уверяла целое присутствие в глаза, будто никогда этого не говорила, отпираясь таким образом беспрестанно от собственных своих слов, без всякой нужды и цели, отрекшись от всего и показав только, что ни о чем не знает и не ведает, — на другой день требовала уничтожения допроса, уверяя, что она вчера наговорила на себя от испуга. С трудом можно было кончить допрос в продолжении нескольких часов, потому что Славка каждый раз уверяла, что ее обманывают и пишут не то. Терентьева сказала ей, рыдая: “как тогда говорила, что ото всего отопрешься, так теперь и делаешь!” Когда ребенок пропал и никто еще не знал, куда он девался, то Терентьева и Еремеева сказали уже, что он содержится у Славки или у матери ее, Мирки. На дворе ее был поставлен ночной сторож, в продолжение нескольких ночей, тогда как ни прежде, ни после происшествия у нее ночного караула не бывало. Утверждала, что доказчицы во всяком случае одни виноваты, не объявив об этом происшествии, если оно было, в то же время, когда оно случилось.

Бася Аронсон сказала между прочим, путаясь в показаниях: “я не такая набожная, чтобы мне быть при таком деле”. Следовательно, она смотрела на истязание христианского мальчика, как на богоугодное дело.

Езвик Цетлин, ратман, уведомлял своих о том, когда будет обыск в доме, а после о ходе дела; будучи устранен, домогался быть опять допущенным, как депутат; старался отвести подозрение на ксендза. На очных ставках выходил из себя: то кидался со злобою и с угрозами, то опять упрашивал доказчиц и улещал. Терялся, забывался, кричал и беспрестанно сам себе противоречил. Не подписал показаний своих, не объявив и причины на то; притворился сумасшедшим, бесновался, а после просил в том прощения. Сказал между прочим: “что вы меня спрашиваете? в России всякая вера терпима”. — Когда он ото всего отрекался, и Терентьева, уличая его, положила руку на сердце и сказала, глядя ему в глаза: “и ты правду говоришь?” — то Цетлин отвечал робко: “я не говорю, что правду говорю, а говорю только, что ничего не знаю и ничего не видал”. Это ответ вполне достойный последователя талмудических уловок. Вместо того, чтобы оправдываться в убийстве, старался только убедить, что жидам кровь не нужна и что этому запрещено верить.

Ханна Цетлин, жена Евзика, утверждала, что во всю неделю не выходила со двора, по болезни своей

и сына, а свидетели показали под присягой, что видели ее на улице; посторонняя женщина видела даже, как она вела погибшего ребенка за руку, близ своего дома, а Терентьева показала, что она тут передала ей мальчика. Уездный лекарь, на кого она сослалась относительно тяжелой болезни сына, показал, что ничего об этом не знает. Уверяла, что вовсе не слыхала о пропаже мальчика; что даже Терентьевой вовсе не знает, тогда как уже при первом следствии сказала, что нищую эту выгоняла неоднократно из своего дома. На очных ставках бледнела, дрожала, то почти лишалась чувств и падала, то вдруг выходила из себя и неистово кричала, бранилась, не давала ответов, кричала только: все это ложь, баб научили, они врут, пусть сами и отвечают. В присутствии комиссии страдала доказчиц кнутом и уговаривала их отречься от слов своих; наконец стала кричать и молотить вне себя, бессвязно, так что ничего нельзя было записывать. Максимова сказала ей в глаза, что после этого происшествия имела полную волю в доме и что Цетлина ее боялась. То же подтвердили дочь Максимовой, Желнова, еврейка Ривка, а сама Ханна, называя Максиму пьяною и буйною, призналась, что работница эта часто страдала ее, хотя и не понимает чем.

Риса Янкелева, работница Цетлиных, при каждом допросе говорила иное, путалась, отговариваясь слабою памятью; сама после допроса опять просилась в присутствие и, не показав ничего нового, отпиралась в прежнем, повторяя между тем опять то же.

Руман Нахимовский, стал при допросе в угол, схватился руками за живот и трясся, как в лихорадке, тяжело вздыхал, едва отвечал; но когда вошла Терентьева, то стал кричать на нее и браниться; Козловской сказал, что “она тогда была еще молода и ее бы в такое дело не пустили”; при сильных и подробных уликах доказчиц схватил себя обеими руками за голову, отвернулся от присутствия, оперся головою о печь, и молчал упорно, сказав только, что нездоров и говорить не может.

Ицка Нахимовский, брат его, сказал генералу Шкурину, что хочет объявить всю правду; будучи призван в комиссию, начал было: “Бог мучит меня уже другой год в неволе, а Бог знает правду: видно, для того мучит, чтобы Государь узнал правду”, — но потом одумался и уверял, что по глупости сам не знал, что говорил, и настоятельно просил уничтожить первое показание. Затем он бежал, но, будучи пойман, стал на колени перед зеркалом и сказал: “самому государю открою всю правду о убийстве мальчика”, и дал в том подписку; но после опять отрекся и притворился помешанным.

Иосель Мирлас, приказчик Берлина, ссылаясь на повеление польского короля Сигизмунда и на высочайшее повеление 1817 года, коими не велено верить таким изветам, был вне себя, дрожал, кричал: “ах Бог мой, что это будет!” — прислонился к стене, поддерживая живот руками, и говорил: “сам не знаю, что со мною делается; я тут совсем делаюсь болен; когда она (Терентьева) говорит это, так, стало быть, она и делала!” Потом молчал упорно и не отвечал.

Иосель Гликман полагал, что мальчика искололи евреям на шутку. При очных ставках кинулся в отчаянии на колени, кричал: “помилуйте, помилуйте!” — закрывал лицо руками, дрожал, отворачивался и объявил, что не хочет смотреть на уличительниц.

Орлик Девириц, еврейский цирюльник, уверял, что мальчик убит дробью, но отпирался даже и от этого, противу пяти свидетелей. Отвечал робко, медленно, думал, после каждого, самого простого вопроса вздрагивая и посматривая на дверь, откуда ожидал уличительниц. Путался, уверял, что у него во рту засохло и он не может говорить; показав, что знает Терентьеву, когда она жила у купца Бабки, и что она таскалась по домам, отрекся опять от слов своих и уверял, что вовсе ее не знает. Кричал, что с бабами вовсе говорить не хочет, и не подписал показаний своих, потому что не помнит, что говорил. У него нашли заготовленные им свидетельства в том, что он искусный фельдшер; при спросе, для чего он заготовил их, Орлик отвечал: “когда пошлют меня в Сибирь, то я покажу их там, может быть, хоть не заставят землю копать”.

Жена его, *Фратка*, объявила, вошедши в комиссию, что вовсе не станет отвечать и долго молчала; потом начала кричать, браниться, ходить взад и вперед, топать, кричала в исступлении: “Чего вы от меня хотите? Зачем не зовете других? Не один муж мой был, когда кололи мальчика. Все говорят, что Ханна Цетлин виновата, — ее и спрашивайте, а не меня”. После сказала, что не была сама при убийстве, но будто Руман Нахимовский признался ей, что мальчик был умерщвлен при нем в школе Берлинами; что при этом были еще: Мирка, Славка, Шмерка, Гирш, Шифра, Янкель, Бася, Евзик, Ханна и проч. Что после этого происшествия эти евреи завели свою особую школу, потому что прочие боялись попасться — и по следствию обнаружено, что действительно в это время была заведена отдельная, небольшая школа. Это же повторяла она сторожам и караульным, била себя поленом, приговаривая: “так бы всех, кто колол мальчика”. Потом прибавила: “я бы все рассказала, кто и как колол, да боюсь, затаскают меня, и боюсь своих евреев”. То же подтвердила в комиссии, но более говорить не хотела и прибавила: “если евреи это узнают, то я пропала”. По ее указанию отыскан особый нож. в серебряной оправе и сафьянных ножнах, коим, по ее словам, сделано было над мальчиком обрезание; доказчицы также полагали, что это должен быть тот самый нож. Два раза (69) пыталась бежать, но поймана; выбила стекло, и хотела зарезаться осколком его. Потом опять

ото всего отреклась; а когда в комиссии речь зашла о ноже, коим убийство совершено, то *Фратка* сказала: “тут надобны не ножи, а гвозди”. Кричала, что одному государю всю правду скажет; сказала караульному унтер-офицеру, в разговоре, что кровь была нужна Берлиной, потому что у нее *дети не стоят*. Наконец сказала, вышед из себя, в комиссии: “может быть, прежде наши это и делали, только не теперь; а что Терентьева колола мальчика, так это правда. Берите меня, секите меня кнутом, я этого хочу, я все на себя беру, а уж я вам правды не скажу”.

Зелик Брусованский, при сильных уликах, сказал: “если кто из семьи моей, или хоть другой еврей признается — тогда и я скажу, что правда”.

Ицка Беляев дрожал, то от страха, то от злости, бранился и кричал, так что комиссия не могла с ним справиться. Когда Терентьева, во время улики (70), сказала, что у нее и теперь еще болят ноги, обожженные на сковороде, то Ицка спросил, улыбнувшись: “как, в три года не могли у тебя поджечь обожженные ноги твои”?

Янкель Черномордин (Петушок), ничего не слушая, кричал: это беда, это напасть; потом, упав ниц и накрыв лицо руками: “помилуйте! Я не знаю, что она (Максимова) говорит”, и не хотел на нее смотреть.

Жена его, *Эстер*, показала, что вовсе не знает Терентьевой, а после запуталась сама и созналась в противном. В исступлении бросалась на уличительниц и поносила их бранью.

Хайна Черномордин уверяла, что ни одной из этих трех баб не видывала и вовсе не слышала о убийстве мальчика. Бледнела и дрожала, не могла стоять на месте, мялась, отворачивалась; молчала упорно, или злобно кричала и отнюдь не хотела смотреть на показываемый ей кровавый лоскуток холста, о коем упомянуто было выше.

Хаим Черный (Хрипун) кричал, бранился, дрожал, не отвечал на вопросы и путался. “Пусть бабы говорят, что хотят, — сказал он: — ни один еврей этого не скажет вам, сколько ни спрашивайте”. — Злобно отпирался, что, при обращении Терентьевой, лежал на одной с нею кровати, — а в перехваченной переписке умоляет евреев не ругаться над ним за это, а то он с ума сойдет от стыда и срама, тогда как он готов жертвовать за них жизнью. Нагло кричал в комиссии, требуя каждый раз снова, чтобы ему были наперед прочитаны прежние показания его; сказав наотрез, что даже не слышал об этом происшествии, проговорился после, что знал об нем тогда же, когда оно случилось. До того забылся и вышел из себя, что ругал в глаза всех членов, в полном присутствии, и кричал председателю, генералу Шкуруину, указывая на него пальцем: “я тебе, разбойнику, глаза выколю, ты злодей” — и проч. Хаим был уже под судом в 1806 году, с другими евреями, по подозрению в истязании и убийстве мальчика помещика Мордвинова; по недостатку улик, дело предано было воле Божьей.

Абрам Кисин путался и сам себе противоречил, уличен во многих ложных показаниях: сказал, что о ею пору ничего не знает и не слышал о происшествии, — а потом уличен, что был по сему же делу допрашиваем при первом следствии, три года тому; один раз показал, что безграмотен, а в другой, что знает читать и писать по-еврейски и по-русски; сказал, что вовсе не родня Берлиным, тогда как состоял в близком родстве с ними; сказал, что Терентьевой не знает вовсе, что если она призналась, так, стало быть, она и убийца, — и уличен, что знает ее давно. Наконец зарыдал, смотрел дико, как помешанный, упал ниц на пол и кричал: “помилуйте, ратуйте!” Кричал, что ему дурно, что он не может говорить; его стало кидать и ломать, и он притворился сумасшедшим, кричал и бесновался.

Нота Прудков — хотел доказать, что был вовремя происшествия на Сертейской (71) пристани, — но доказано, что он был тогда в Велиже и сверх того еще перехвачена переписка его, где он просил достать за деньги свидетельство, что он был на Сертейской, и составить подложный договор с мужиками, — уверял, что из уличительниц ни одной не знает, а в письмах к жене своей называет всех трех поименно и в комиссии назвал Терентьеву распутною. Сказался больным и, подвязав бороду, требовал на очной ставке, чтобы уличительницы говорили, какого цвета у него борода; сказал генералу Шкуруину: “Если бы сам государь обещал евреям помилование, то они бы, конечно, сознались”; что точно жиды погубили мальчика и прочие ропщут теперь на Берлиных и Цетлиных за это опасное дело, что они теперь всюду собирают деньги на это дело, надеясь, что оно здесь не кончится (72); но что он, Прудков, в комиссии ни в чем не сознается. Между тем у генерала Шкуруина были спрятаны три чиновника, которые все это слышали и подтвердили под присягой. Три раза (73) пытался уйти из-под стражи; хотел креститься, потом раздумал; вызвался сознаться во всем лично генерал-губернатору, был отправлен в Витебск, но обманул. Шумел, кричал, ударил в щеку караульного унтер-офицера, и был наказан за это, но не унялся; когда ему в комиссии показали перехваченные записки его, то он озлобился до неистовства, кричал и бранился, не давая ответа. “В законе ничего не сказано, что будет за это, если кто заколет мальчика; мы ничего не боимся, только бы дело вышло из комиссии. Вы все разбойники; нам ничего не будет, а вас же судить будут, вот

увидите!”

Ицка Вульфсон, который ездил вместе с Иоселем Мирласом осматривать выброшенный в лес труп младенца, до того потерялся, что, показав, будто не знает грамоты, сам подписал по-русски допрос свой. Уверяя, что Терентьевой вовсе не знает, прибавил: “и никто не обращал ее в еврейскую веру — по крайней мере при отъезде моем в Динабург она еврейкой не была”. Стало быть, он знал ее и тогда?

Жена его, *Фейга*, показала, что не была в то время вовсе в Велиже, тогда как муж ее показал, что она была там. На очных ставках едва не обмирала, не могла стоять, ложилась на стул, жаловалась на дурноту, упорно молчала и не подписала показаний своих, без всякой причины. Далее готова была во всем сознаться, но спросила: “есть ли такой закон, что когда кто во всем сознается, то будет прощен?” Ей сказали, что закон в таком случае облегчает наказание; тогда она проговорила в отчаянии: “я попалась с прочими по своей глупости” — и затем упорно молчала. Хотела креститься, а потом опять раздумала. “Мне нельзя уличать мать свою, — сказала она также, — да и тогда должны пропасть все евреи”.

Лья Руднякова, бывшая работница Ривки Берлин, сперва отреклась, что никогда у Ривки не служила, потом уличена, созналась и поневоле уличила в том же Ривку. Уверяла, что Терентьевой вовсе не знает, а между тем сказала, что она была нищая и ходила по миру. Во время допросов чертила пальцем на спине бывшего у ней на руках ребенка какие-то знаки и, будучи спрошена, что она делает, отвечала: “Это Ривке, по-еврейски”. Когда показали ей кровавый лоскуток холста, то она сильно испугалась, зарыдала и поносила Терентьеву самую непристойною бранью.

Зуся Рудников, муж Льи, также уверял, что даже не слышал о происшествии, о коем толковали в Велиже три года на всех перекрестках. Смотрел в землю, говорил отрывисто ([74](#)), отпираясь ото всего. Задрожал, увидав кровавый лоскуток, отворотился, не хотел смотреть на него и ни за что не хотел подойти к столу. Не подписал очной ставки, потоку что у него закружилась голова, он сам не понимает, что ему читают, и не знает, то ли это, что он говорил.

Блюла Нафанова. Когда Терентьева сказала ей: “напрасно ты от меня отпираешься, ты знала меня давно, еще когда убили Хорьку”, — то Блюма закричала: “что тебе теперь до Хорьки? Тогда был суд”. — Оказалось, что Блюма в числе других подозревалась в 1821 году в убийстве Христины Слеповронской, также замученной в жидовской школе.

Рохля Фейтельсон, вошедши в присутствие, не дала еще ни о чем спросить себя и начала кричать: “я не знаю, за что меня взяли; меня не спрашивайте ни о чем, я ничего не знаю, нигде не была, ничего не видела”. Она также путалась, терялась и дрожала.

Вот главнейшие ответы и оправдания жидов, — если только это можно называть ответами и оправданиями — выписанные вкратце, но с точностью и без опущения хотя одного слова, которое бы могло служить к оправданию подсудимых. Такого слова не было произнесено ни одним. Одно только отрицание, нередко явная ложь, страх и злоба, вот что обнаружилось при допросах. Между тем дело тянулось, и комиссия, несмотря на все старание свое, не могла подвинуться вперед; жида, явно и несомненно уличенные, молчали, упорствовали, грубили; генерал-губернатор князь Хованский донес об этом государю и ведено было увещевать жидов, а буйных наказывать. По поводу открывшихся в 1827 году, через тех же доказщиц, нескольких подобных дел, поведено было исследовать той же комиссии все; в 1828 году командирован в комиссию чиновник от Правительствующего Сената; а затем еще поведено опросить подсудимых, не было ли им пристрастия. Некоторые показали, что не было, но другие жаловались на пристрастие, не будучи, однако же, в состоянии объяснить, в чем именно оно состояло; они говорили только в общих словах, что их не так допрашивали, не теми словами писали ответы, спрашивали, как преступников, тогда как три бабы сознались и, следовательно, были настоящими преступницами; что не отстраняли по их требованию следователей и членов комиссии, и тому подобное.

В 1829 году комиссия представила наконец полный обзор этих ужасных происшествий, обвиняя жидов во всем и считая их уличенными; кроме умерших и бежавших, их осталось еще под стражей сорок два человека обоего пола. Генерал-губернатор того же мнения, как и предшественник его, — представил обстоятельный всеподданнейший рапорт, в коем также положительно обвинял жидов и считал их изобличенными.

В самой вещи, сообразив все обстоятельства, нельзя не согласиться с заключением комиссии и генерал-губернатора. Предсказания Терентьевой и Еремеевой, согласно с коими происшествие исполнилось, совершенно не ([75](#)) объяснимы, если не поверить им, что одна сама продала мальчика, а другая подслушала разговор; согласное показание Терентьевой, Максимовой и Козловской обо всех подробностях убийства и согласные с сим подобные обстоятельства, подтвержденные посторонними свидетелями под присягой, совершенная невозможность сделать

такое во всем согласное показание и не изменять его в течение нескольких лет, если бы это не была одна истина — особенно если рассудить, что две из женщин сих жили в постоянной вражде, не могли говорить между собою равнодушно, даже в присутствии комиссии, а третья была уже замужем за шляхтичем и не могла иметь никакого повода к такому ужасному поклепу на себя и на других; далее, показание посторонних свидетелей, из коих иные видели, как жиды проскакали на заре в бричке по тому направлению, где найден труп, — одна видела мальчика в руках Цетлиной, — два других видели его в доме ее, в спальне и в ларе (76); состояние, в коем найден труп — накожные ссадины, ранки, затекшие, побагровевшие ноги, приплюснутый рот и нос, синяк от узла на затылке, вплоть остриженные ногти, еврейское обрезание, и проч. — вполне согласовавшееся с показанием трех женщин о том, каким образом замучен ребенок; поведение подсудимых при допросах, обнаруженная стычка их, наглое и бессмысленное запирательство во всем относящемся к этому делу; изобличение каждого из них во многих ложных показаниях; притворство некоторых больными и сумасшедшими; бегство других и попытки к тому третьих; старание подкупить священника, увещателя доказчиц; ночной караул и сборища у Берлиных, Нахимовских, Цетлиных — в чем они сначала также заперались; и наконец собственное сознание Ноты Прудкова, Зелика Брусованскаго, Фратки Девирц, Фейги Вульфсон и Ицки Нахимовского в преступлении (77) и явное колебание других, а равно и изобличающая виновных перехваченная у них переписка, — вот улики и доказательства, на коих комиссия и генерал-губернатор основывались, почитали евреев до того уличенными, что находили уже собственное сознание их не нужным, тем более, что в пользу евреев не говорило ровно ни одно обстоятельство и оправданий или доказательств невинности своей ни один из них не мог представить никаких — кроме явной лжи и наглого запирательства. Они представили (78), при общем и подробном донесении (79), именной список евреев, где степень вины каждого была в подробности обозначена.

В Правительствующем Сенате произошло разногласие; некоторые г.г. сенаторы соглашались с заключением комиссии и присуждали жидов к наказанию; другие колебались; третьи оправдывали их; опять иные желали только принять предупредительные меры на будущее время и делали различные по сему предположения. Посему дело внесено было в Государственный Совет, где состоялось 18-го января 1835 года Высочайше утвержденное мнение:

Что показания доносчиц, заключаая в себе многие противоречия и несообразности, без всяких положительных улик или несомненных доводов, не могут быть приняты судебным доказательством к обвинению евреев; а потому:

1. Евреев подсудимых по делу об умерщвлении солдатского сына Емельянова и по другим подобным делам, заключающимся в Велижском производстве, а равно по делам о поругании над христианскою святынею, как положительно не уличены, от суда и следствия освободить.
2. Доказчиц, христианок: крестьянку Терентьеву, солдатку Максимову и шляхтянку Козловскую, не доказавших тех ужасных преступлений и отступления от веры, которые они сами на себя возводили, но виновных в изветах, коих впоследствии ничем не могли подтвердить, сослать в Сибирь на поселение, лишив Козловскую шляхетства.

Затем (80), Еремееву, Желнову и проч. освободить, предав первую церковному покаянию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев весь этот ряд ужасных случаев и возмущающих душу происшествий, частью доказанных исторически и юридически, — обвинение жидов в мученическом умерщвлении к Пасхе христианских младенцев невозможно считать призраком и суеверием, а должно убедиться, что обвинение это основательно (81), как равно и общее мнение о употреблении ими крови сих мучеников для каких-то таинственных чар. Есть обстоятельство, о коем говорено было уже в начале сей записки, неоспоримое и очевидное, на которое при исследованиях об этом предмете никто не обратил доселе внимания, между тем как оно должно служить разительным убеждением для всех сомневающихся. Никто, конечно, не будет оспаривать, что в странах, где евреи терпимы, время от времени находимы были трупы младенцев, всегда в одном и том же искаженном виде, или по крайней мере с подобными знаками насилия и смерти. Не менее верно и то, что знаки эти доказывали умышленное, обдуманное злодейство, мученическое убийство ребенка, и притом ребенка христианского: то и другое доказано множеством следственных, судебных и врачебных свидетельств. Но каким же образом объяснить такую непонятную загадку, хотя каким бы то ни было предположением, не только доказательством, как объяснить, что бы могло побудить кого бы то ни было к такому бессмысленно-зверскому поступку, если это не какая-нибудь таинственная, каббалистическая или религиозно-изуверная цель? Ни корысть, ни злоба, ни другие страсти и побуждения не могут объяснить этого никоим образом. Тут не

одно убийство, а преднамеренное мученическое истязание невинного младенца и, следовательно, или наслаждение этими муками, или особенная цель, с ними соединенная. Христиане-католики праздновали воспоминания распятия Иисуса Христа в лицах, предавая поруганию Иуду; в России был толк раскольников, называемых детогубцами — они убивали незаконнорожденных детей, сушили и обращали в порошок вынутое из них сердце и употребляли его на чары для привлечения к себе последователей; мусульмане закавказские, сунниты (82), празднуют подобным образом память своего пророка (83), ругаясь торжественно над противником его Алием (84), для чего нанимают за деньги человека; жида делают то же, если только могут, в праздник Амана и Пейсаха; это известно не только исторически, со времен императора Феодосия, — но известно всякому, кто жила между жидами. Так, например, жители Харькова помнят еще водовоза, который исчезал ежегодно на три дня во время Страстной недели и внезапно оставлял тех, кому служил, без воды. Он постоянно нанимался в это время у жидов представлять Спасителя и позволял, за хорошую плату, связать себе руки, бить по щекам, только не больно, как уверял он, оплевывать, кричать, бранить и ругаться над собою сколько угодно. Его содержали в это время в школе и кормили хорошо. Можно ли затем сомневаться, что исступленные, фанатические евреи готовы были бы сделать еще один шаг далее и доиграть комедию эту до конца, если б это не было опасно? А коли еще к этому присоединится какое-то каббалистическое, чародейное употребление крови христианской, то неужели соединение той и другой цели и основанное на сем изуверство может казаться столько невероятным, чтобы скорее обвинить и наказать христиан-уличителей, чем уличенных ими жидов? Откуда ж эти одинаковым образом и умышленно искаженные трупы невинных ребят? Почему находят их там только, где есть жида? Почему это всегда дети христиан? И наконец почему случаи эти всегда бывали исключительно во время или перед самой Пасхой? Из этой путаницы неоспоримых событий, из этого лабиринта нет исхода, если мы не пойдем единственным путем, который указывает нам непрерывная нить фактов, сопровождающая каждый подобный случай. Составитель записки сей лично знал в западных губерниях наших ученого и образованного врача, еврея, который в откровенном разговоре, глаз на глаз, об этом предмете сам сознавался, что обвинение это, без сомнения, основательно, что есть жида, которые в изуверстве своем посягают на такое возмутительное злодеяние, но утверждал только, что это не есть обряд собственно еврейский, а вымысел вырожденцев человечества. В С.-Петербурге служит и теперь еще крещенный, ученый еврей, который с полным убеждением подтверждает существование этого обряда — не в виде общем, как он выражается, а в виде исключения, — но он в то же время отказывается засвидетельствовать это где-нибудь гласным образом, потому что конечно, не в состоянии доказать справедливости слов своих и даже боится мщения богатых евреев, коих происки достигают далеко и которые сочли бы подобное обвинение общим поруганием израильского народа и личным для себя оскорблением.

Есть ли в этом смысле, полагать (85), что, подобные злодеяния совершаются христианами для оклеветания жидов? Положить, что найдутся христиане, готовые, из ненависти к жидам, на такое, более чем зверское, дело; хотя в наше время, когда давно уже миновала пора крестовых походов, и это допустить трудно; но для чего же эти люди избирают такое опасное, неверное, даже бессмысленное мщение, которое, как мы видели, каждый раз почти обращается на них же самих, между тем как жида остаются правы? Одного подобного урока было бы довольно. Кажется, такое предположение слишком бессвязно; прямее, естественнее, проще и вернее было бы такому ревнителю мстить непосредственно жиду или жидам, убив, вместо невинного христианского младенца, любого еврея, или даже нескольких.

Наш просвещенный, человеколюбивый век, славящийся терпимостью, изгнавший пытку, костер и всякое преследование за веру — вооружился также неверием против подобного страшного обвинения жидов и с негодованием отвергает всякую возможность такого изуверства. Оно было бы слишком постыдно для целого человечества, и верить ему унижительно, как в бабы сказки, предрассудки и суеверия. Жида были гонимы — пора признать их братьями, равными нам; обвинение это есть остаток старинных предрассудков и нападок. Такие рассуждения, делая честь нашему человеколюбию, доказывают только, что и самое благое направление имеет свою слабую сторону; соболезнуя истинно жалкому положению народа израильского, мы увлекаемся, делаемся пристрастны и вовсе забываем, отдаем на жертву единоверцев своих, потворствуя бессознательно какому-то чудовищному исчадию фанатизма. Но евреи много раз обвинялись в этом злодеянии несправедливо, как недавно еще был случай в Силезии, где мальчик отыскан живым! Это правда; и подобный случай всегда, бывал величайшим торжеством для евреев, которые с шумом и криком разглашали его повсюду и прикрывались им долго еще впоследствии. Но что же это доказывает? — сколько раз люди обвинялись несправедливым образом в воровстве или убийстве — разве из этого можно заключать, что воровства и убийства на свете нет и что всегда тот виноват, кто пожалуется, что его обокрали? Если у казанского крестьянина пропадет лошадь, то первое слово его бывает: татары съели. Коли он найдет ее впоследствии в лесу или болоте, — то обвинение его в этом случае было несправедливо; оно, однако же, несколько не ослабляет общеизвестной истины, что татары крадут и

едят лошадей.

Но евреи в Англии, Франции, Германии, образованные, ученые — частью даже государственные люди и во всяком случае добросовестные, честные граждане, неужели они бы не обнаружили столь возмутительного обычая или таинства веры своей, особенно те из них, которые приняли святое крещение?

Это возражение приводит к окончательному заключению, к концу и цели настоящего розыскания. В начале сей записки было показано, что многие обратившиеся евреи действительно сделали то, чего по справедливости можно было от них ожидать; таковы, например, бывший раввин, монах Неофит, бывший раввин Серафинович, Паздзерский, Киарини, Пикульский, Савицкий, Грудинский и другие, о коих говорено выше. То же утверждали гласно антиталмудисты в прении с раввинами в Львове, в 1759 году. Но число таких обличителей, конечно, не велико в сравнении с целым народом, и на это есть причины: изуверный обряд этот не только не принадлежит всем вообще евреям, но даже, без всякого сомнения, весьма немногим известен. Он существует только в секте *хасидов* или *хасидым*, — как это объяснено выше — секте самой упорной, фанатической, признающей один только Талмуд и раввинские книги и отрешившейся, так сказать, от Ветхого Завета; но и тут составляет он большую тайну, может быть, не всем им известен и по крайней мере, конечно, не всеми хасидами и не всегда исполняется: не подлежит, однако же, никакому сомнению, что он никогда не исчезал вовсе, со времени распространения христианства, и что поныне появляются время от времени между жидами фанатики и каббалистические знахари, которые, с этою двоякою целью, посягают на мученическое убийство христианского младенца и употребляют кровь его с мистически-религиозною и мнимоволшебною целью. Польша и западные губернии наши, служащие со времен средних веков убежищем закоренелого и невежественного жидовства представляют и поныне самое большое число примеров подобного изуверства, особенно губерния Витебская, где секта хасидов значительно распространилась.

Примечания:

1. Человеческого.
2. “Если обвинение несправедливо” *нет*
3. Левица.
4. 25.
5. Говорить.
6. И христианина кровью.
7. Евреи верят в закон письменный и словесный; первый есть *Тора*, Ветхий Завет, второй *Талмуд*. Сей последний разделяется на *иерусалимский*, оконченный уже во II веке и составляющий небольшую книгу, и на *вавилонский*, или собственно *Талмуд*, который окончен раввинами и принят соборами евреев в V веке. Он состоит из двух главных частей *Мишна* и *Гемарра*; первая составляет текст, до того темный, что он вовсе непонятен без объяснений; вторая * состоит собственно из сих объяснений, коим дано совершенно произвольное и в высшей степени безумное, безрассудное и чудовищное значение. Одного примера довольно, чтобы показать дух и направление Гемарры. В Ветхом Завете сказано: “чтобы человек сохранял заповеди Мои и жил с ними” (Моисея кн. 3, гл. 18, ст. 5; Езекииля, гл. 20, ст. 11). Талмуд толкует это так: “дабы жил человек с заповедями Моими, а не дабы умер за них, почему и дозволяется, в случае нужды **, нарушать сии заповеди”. (Талмуд, кн. Аведозоры, разд. 4, лист 55),
* Вторая... объяснения *нет*.
** Надобности.
8. По Велижскому делу 1823 года открыто, что посягнувшие на сей чудовищный обряд евреи были также *хасиды*.
9. Обмытого.
10. Тайну.
11. О пророке Валааме объяснено было выше.
12. Раваме.
13. Что.
14. “При похоронах... кровью” *нет*.
15. Убивать христиан, где можно, Талмуд повелевает неоднократно. См. кн. Сенхедрин, гл. 6, стр. 48 и гл. 7, стр. 2 и 508; книг. Аведозора, гл. 1, стр. 3, гл. 2, стр. 13, ст. 15; кн. Макег, гл. 2, стр. 9, ст. 3, там же, гл. 71 и проч.
16. “Яин Эдым—христианское вино” *нет*.
17. Entdecktes Judenthum, 1700.
18. Манжошма.
19. Из Велижского дела 1823 года также видно, что жида спрятали и заперли пойманного ими ребенка в сундук.
20. Заколешь.
21. Гатцик.
22. “Поносною смертию” *нет*.
23. Гейм.
24. Тьер.
25. Eisenmenger. T. II, p. 221; Munster's Cosmographia, p. 342; Hoffmann, Schwer zu bekehrendes Judenthum, p. 115. Tentzel, Monatliche Unterredungen.
26. Юниу
27. “Во Франкфурте” *нет*.
28. Наконец.
29. Вст: “Hoffmann, Schwer zu bekehrendes Judenthum, p. 115, Tentzel. Monatliche Unterredungen”
30. Вст.: “младенцев”.
31. *Нет этого* §.
32. Вст.: “Не зарывают”.
33. Eisenm. T. II, p. 233. Tentzel, Monatl. Unterredungen., Juli 1693; Papebroch. T. II, April.

34. Целы.
35. Умертвили.
36. “Пятеро... повешены”, *нет*.
37. Дело Державина.
38. *Нет этого §.*
39. Чтобы.
40. предательства Иуды.
41. *Вст.:* “ехавших по тому направлению, другие, что только видели евреев”.
42. “И три жида... обмер” *нет*
43. “И ложное” *нет*.
44. Der neue Pitaval, Leipzig, 1812, T. I.
45. Gazette des Eribunaux, 1844, le 13 mai.
46. Вместо: “в ведомостях” читается: “свидетелей”.
47. *Вст.:* “Павловича”.
48. Корыто.
49. “Который сделал обрезание” *нет*.
50. Сестра мальчика, вышедшая вместе с ним из дома, показала, что он не хотел с нею идти далее, а сел подле моста.
51. Посторонние свидетели показали, что видели в это утро Ханну, стоявшую у калитки своего дома; а одна, Косачевская, что видела, как Ханна вела за руку мальчика.
52. Дочь Максимовой, по мужу Желнова, приходившая в это время за чем-то к Цетлиным, видела ребенка в сундуке, в рубашке, или накрытым чем-то белым, но второпях хорошенько не рассмотрела.
53. В лекарском свидетельстве сказано, что желудок и кишки у мальчика были пусты, хотя сам он хорошо кормлен, из чего и должно заключить, что он последние дни перед смертью * ничего не ел. * “Перед смертью” *нет*.
54. Это также вполне согласно частью с врачебным свидетельством, а частью с показанием под присягой одиннадцати свидетелей.
55. Это также вполне согласно частью с врачебным свидетельством, а частью с показанием свидетелей.
56. *Вст.:* “Каждый по очереди всадил гвоздь в тело дитяти”.
57. *Вст.:* “медленно двигал ногами”.
58. Это также согласно с врачебным свидетельством и с показанием свидетелей.
59. По справке в церкви оказалось, что ветхий антиминос действительно был похищен, а Терентьева показала, со всею подробностью, каким образом она его украла.
60. Семь свидетелей показали под присягой, что видели, как бричка эта на заре проскакала взад и вперед; а одна женщина, что в ней именно сидел еврей Иосель.
61. “Потом жида... город” *нет*.
62. *Вст.:* “водкою.”
63. *Вст.:* “куда девалась из тела кровь”.
64. Терентьева и Максимова сознались впоследствии в нескольких подобных злодействах, совершенных вместе с жидами,— как о том упомянуто было выше.
65. Чудовищный.
66. Наказаны.
67. *Вст.:* “и вообще их поведение при допросах”.
68. *Вст.:* “как невиновных”.
69. *Вст.:* “Фратка”.
70. Очной ставки.
71. Сергиевской.
72. Со времени этого дела в Витебске и окружных местах сохранилась в народе молва, что “после солдатского сына ни на одной велижской еврейке не осталось на головном уборе ни зерна жемчуга”. — Это можно слышать поныне.
73. *Вст.:* “Ната”.
74. *Вст.:* “заикался”.
75. “Не” *нет*.
76. В сундуке.
77. В присутствии.
78. “Они представили” *нет*.
79. *Вот.:* “был представлен”.
80. “Затем Еремееву... покаянию” *нет*.
81. “И суеверием... основательно” *нет*
82. “Сунниты” *нет*.
83. *Вст.:* “Имама-Хусейна”.
84. *Вст.:* “Изидом”.
85. Заключается ли сколько-нибудь смысла в предположении.